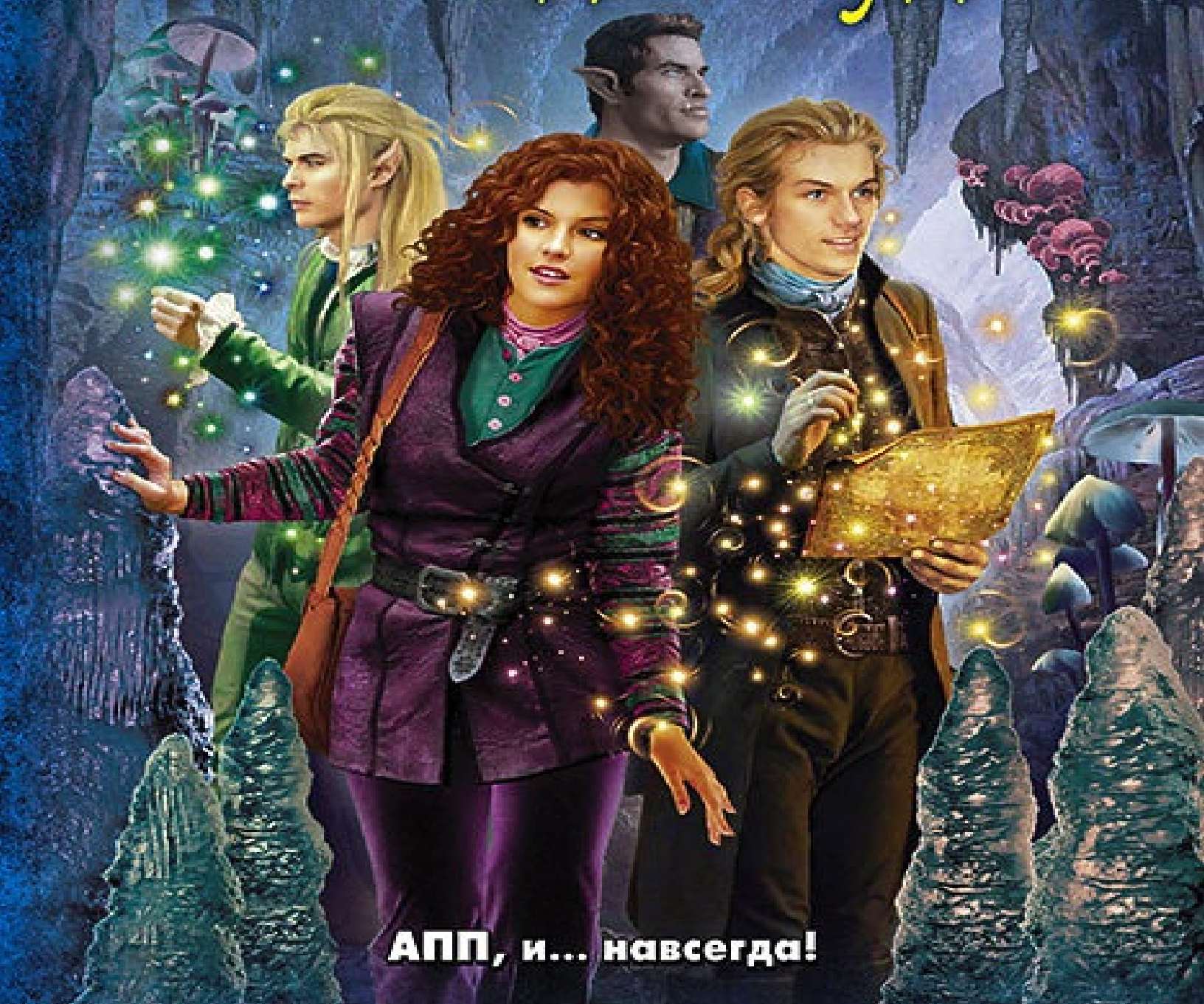

Юлия

Фирсанова

АПП, или Место для чуда!

АПП, и... навсегда!

Annotation

Спасать утопающих на берегах туманной реки, стучать зубами от холода перед живым воплощением стужи, искать загадочное Зерцало в лабиринте пещер... Каких только миссий не выпадает студентам Академии пророчеств и предсказаний!

Но все это кажется веселой и легкой прогулкой в сравнении с заданиями преподавателей и пророчеством, куда в очередной раз угодила компания друзей. Опять? Декан Гад уже не удивляется, лишь пытается защитить своих непоседливых студентов от беды. Даже выходить за ворота АПП запретил. Только что толку? Приключения найдут компанию везде. Ведь академия – самое подходящее место для чудес! Эльф Стефаль, тролль Хагорсон, юный дракон Машьелис о Либеларо и Яна Донская смогут проверить это на собственном опыте. А будущее приоткроет им свои тайны!

Юлия Фирсанова

АПП, или Место для чуда!

© Фирсанова Ю. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Пролог

Возвращение в АПП

Каникулы – есть в этом слове из восьми букв волшебство, способное пробудить радостные воспоминания у любого – от школьника до убеленного сединами старца, если он хоть однажды изведal сладость отдыха от учебы. А вот магия иных звуков, складывающихся в слова «начало семестра», более противоречива. Кто-то воет волком от перспективы вновь бултыхаться в океане учебной программы, кто-то обреченно вздыхает, но есть и маньки, радостно предвкушающие грядущие занятия.

Янка ни к одному из перечисленных типов студентов не относилась. Пусть дома после рождения крохотной сестренки Алины (Димка Донской у папы опять не получился!) было очень и очень здорово, но девушка ужасно соскучилась по друзьям и напарникам. Также ей очень хотелось увидеть однокурсников, даже вечно недовольную жизнью вампиршу Ириаль и капризного сирена Пита Цицелира.

В этот раз, как обычно, декан явился для транспортировки студентки в последний день каникул. Яна, в отличие от всей семьи, дружно растящей младенца на дачных просторах, уже ждала мастера Гадерикалинероса с сумками припасов, собранными бабулей. Потому сначала Гад забросил девушку в общежитие, где они оставили багаж и по-быстрому отсчитали деканские банки с земляничным вареньем, а потом перенес землянку на площадь. Там уже привычно толпились студенты, жаждущие зрелищ – прибытия абитуриентов АПП и эффектного явления Арки Выбора. Охотники до хлеба отирались совсем в другой стороне – у столовой. Силком на площадь перед Башней Судеб в последний день каникул никто никого не волок, но так уж сложилось, что почти все учащиеся собирались здесь по негласной традиции: и на волшебство поглазеть, и с друзьями-знакомыми повидаться-пообщаться после каникул.

– Донская! – Вопль, потрясший, казалось, сами основы Мироздания, оглушил Яну, едва она оказалась с деканом на Площади выбора. Девушку стиснули до хруста в медвежьих объятиях. Гад только коварно ухмыльнулся и исчез в очередном облаке серой пыли, оставив жертву на растерзание оборотню.

– Уф, ясного дня, Авзугар, – жалобно пискнула выпущенная из тисков медведя студентка. – Я тебя тоже рада видеть, но не до перелома ребер. И вас, ребята!

Рядом с бугаем радостно заулыбались, приветствуя девушку, его низкорослые напарники – староста курса гоблин Кайрай и пещерница Тита.

– Извини, чуток не рассчитал, – белозубо, или скорее белоклыко, осклабился однокурсник. – Я чего тебя искал-то, мы после площади все собирались на пикничок. За мной еще с прошлого года должок остался.

– Так ты же пару раз устраивал нам шашлыки?! – удивилась Янка странным долгам.

– Творец троицу любит! – поразил землянку желтоглазый горец-оборотень вариантом старой поговорки. – Так что все идем мясо жарить, вино пить, гулять, отдыхать, а учиться завтра будем! Ясно, да?!

– Ясно, – покорно согласилась девушка, мысленно облизнувшись при упоминании мяса, знатоком приготовления которого в походных условиях считался оборотень-медведь. После того как Авзугар прекратил попытки сосватать ее за кого-нибудь из своих родственников,

общалась девушка с сокурсником с искренним удовольствием. – А вы моих напарников не видели?

– Вей-хо, как не видел? Видел! – провозгласил собеседник.

Перебивая оборотня-напарника, пещерница Тита вставила под согласный писк Кайрая:

– С утра в Лапе виделись, скоро, небось, на площадь придут, коли уже не здесь!

Проверяя гипотезу, Авзугар трубно заорал, запросто перекрывая шум громкоголосой толпы:

– Лис! Хаг! Где вы там? Айда к Янке!

Ледокол для бурного моря студентов из тролля Фагарда Хагорсона получился великолепный. Под напором массивной и твердой как камень туши расступались все, кто не хотел упасть. Худошавый, если не сказать тощий, Машьелис о Либеларо из породы крайтарских радужных драконов с удобством следовал в кильватере.

Впрочем, это в прошлом году Лис был худеньким пацаном, способным с комфортом спрятаться за шваброй. Сейчас Янка только головой в изумлении покачала. Напарник вырос почти на голову, раздался в плечах, он уже не казался тощим, только высоким и гибким, а еще юноша сменил прическу. Мелкие светлые кудряшки, делавшие его похожим на барашка, превратились в длинные локоны, небрежно завязанные в высокий хвост. Словом, Машьелис внешне повзрослел настолько ощутимо, будто расставался с друзьями не на несколько циклад, а не меньше чем на несколько лет.

– Привет, ребята! – Радостно улыбающаяся Янка была сграбастана напарниками в объятия. – Хаг! Лис! Ух, как ты вымахал-то, балбес! Настоящая сухота девичья, а не парень!

– Так, я не понял! Сухота или балбес? – сразу шутливо возмутился дракон, прижимая девушку к себе. Довольная улыбка нарисовалась на физиономии Лиса, когда тот с удовольствием отметил, что перерос Янку на пяток сантиметров.

За напарницу ответил веселящийся Хаг:

– Одно другому не мешает! Сухота – это внешний признак, а балбес – внутренний и постоянный. Как был ты балбесом, мой друг, так и остался.

Слушая беседу друзей, громко заржал Авзугар, будто решил переквалифицироваться из медведя-оборотня в кентавра или лошадь. Кайрай, исполняя роль гласа разума, шикнул на шутников, вернее, пискнул:

– Тихо вы, сейчас Арка Выбора засияет!

Обиженно запыхтевшая сплетница Тита поскорее, пока гоблин не выдал всей информации, затараторила:

– Одного студента в АПП до сегодняшнего утра не хватало, он с полчаса назад в ворота сегодня прошел.

– И кто этот счастливчик? – наострил уши Машьелис.

– Я не успела разглядеть, – обиженно шмыгнула носом пещерница, досадуя на невысокий рост, ставший досадной помехой для сбора сплетен. За каникулы она ничуть не выросла, впрочем, по меркам своего народа Елбаст и так считалась высокой, видной девицей. Зато немного сменила прическу. Локоны у Титы теперь по большей части собирались на затылке, а не висели по обе стороны головы забавными ушками-пружинками, как у спаниеля.

– Какой-то хлюпик мелкий, – прогудел Авзугар, не особенно заинтересованный в идентификации новичка, его больше привлекало шоу. – Сейчас Арка загорится, увидим.

Свет от радужного моста, перекинувшегося через всю площадь, пресек разговоры

получше удара гонга. Восторженно загудели все, от перваков до пятикурсников. Все-таки Арка Выбора сияла лишь несколько дней в году, помогая абитуриентам АПП определиться с факультетом.

Студенты отхлынули в стороны, чтобы не мешать ритуалу. Только теперь Янка с компанией, оказавшись в отливе общей волны, увидали растерянно озирающегося паренька. Оборотень не соврал: мелкий и худенький, лопоухий и веснушчатый – будущий студент действительно выглядел хлюпиком. Он как раз выслушивал последние наставления мастера Сейата Фэро, но, кажется, не столько вникал в инструкции, сколько пытался сбежать подальше от рогатого и когтистого преподавателя, на Янкиной памяти не обидевшего и мухи.

Едва Сейата замолчал, как мелкий рванул вперед к Арке, теряя тапки. Нет, в самом деле! С левой ноги у заморыша слетел явно неподходящий по размеру, просящий каши не то тапок, не то ботинок, подвязанный бантиком из бечевы. Обувка так и осталась на плитах. Избранник АПП, как был в одном почти целом представителе рода ботинок, пробежал под аркой-радугой и продолжил забег прямо в толпу. Казалось, он несся по дуге, не слыша веселых криков наслаждающейся представлением молодежи:

– Куда ты, чудик?! Уже все! Тормози, в Дрейгальт умчишься! Стену головой протаранишь! Эй, ботинок подбери!

Стену герой дня, конечно, не протаранил, зато едва не врезался на всех парах бедовой башкой Янке под дых. В последний момент Хаг успел тормознуть разогнавшегося парня, выбросив вперед руку и сцапав за ворот застиранной безразмерной рубахи.

– Эй, эй! Слышь, все! Ты уже студент! Охлони! – прогудел тролль.

Подоспевший мастер всунул в руки новоиспеченному студенту его потерянный обувной комплект – ботинок и веревочку. Оглядев троицу знакомых блюстителей, рядом с которыми встал новенький летописец, Сейата остался доволен итогами осмотра. Потому облегченно пробормотал нечто вроде: «О, Яна, ребятки... Вы-то о нем точно лучше позаботитесь и найдете, кому передать, а я на педсовет», – и слинял. Для скорости даже знаком портала воспользовался.

– Спасибо за доверие, мастер! – иронично выкрикнул Лис в смыкающийся за сбежавшим преподавателем зев портала.

Хотя, если новичка повергал в трепет рогато-клыкастый вид безобидного в общем-то предсказателя Фэро, то учитель поступил правильно. С первого же взгляда не поймешь, что единственная угроза студентам от любого из здешних мастеров – это очень дотошные лекции и дополнительные занятия. Тот же Сейата был ученым до мозга костей и никакого удовольствия от третирования подопечных отродясь не испытывал. А что ученики порой были от его щедрых научно-предсказательных выкладок и экспериментов – это уже другой разговор.

Между тем свежеиспеченный студент стал дрожать поменьше, ясные желтые глазищи распахнулись пошире, а изо рта вырвался возглас:

– А?

Мелкий шмыгнул сопливым носом, машинально сжал башмак, однако дергаться в пятерне тролля перестал.

– Ты – студент, – вмешалась сердобольная Яна и ткнула пальцем в руку заморыша: – Видишь, желтый браслет на запястье появился! Ты теперь студент-летописец Академии пророчеств и предсказаний!

– О, – моргнул паренек, пока изъяснявшийся исключительно междометиями.

– Точно-точно! Дорожки, конечно, чистые и сейчас тепло, но босиком ходить неудобно. Потому давай обувайся. Тебе надо в общежитие к коменданту зайти. Там получишь вещи, ключ от комнаты. Хочешь, попрошу кого-нибудь из летописцев проводить тебя? – предложила девушка и завертела головой, пока новичок, потихоньку приходящий в себя, занимался возвращением ботинка на голую и уже сероватую от грязи пятку. Хаг прищелкнул когтями на пальцах и чего-то коротко бормотнул. Просящий каши башмак хлопнулся. Троль отметил:

– До общежития продержится, а там форму получишь, обноски в мусор кинешь.

Паренек благодарно вздохнул и запасливо сунул бечевку в кармашек. Яна же оповестила компанию о результате поисков:

– О, там Лестор, кажется! Кликнем его?

С первого заочного знакомства – показательной демонстрации записи пророчества на сводной лекции для первокурсников – Лестор успел стать старостой факультета летописцев. И это несмотря на специфическую расовую особенность! Способность к производству вонючих испарений в обществе симпатичных девушек сочли ничтожным минусом по сравнению с обязательностью и организаторскими талантами студента-феоха. А уж парни и вовсе общались с умницей-старостой свободно, да и в дван летописец хорошо играл. Под плотным слоем жирка прятались изрядные мускулы. В прошлом семестре именно феох свел вничью финал между сборными командами блюстителей и летописцев.

Лис с энтузиазмом завопил товарищу по играм:

– Эй, Лестор, пойдешь к новенькому!

– Ой, – снова по-совиному заморгал свежее испеченный летописец.

– Вот чудик, – рассмеялся Машьелис. – Такое впечатление, что вообще не понимает, куда попал и зачем.

В ответ на эту сентенцию лопухий малыш с готовностью закивал и попытался объяснить, как было дело. Хаг и толстячок-феох присоединились к слушателям.

– Мы, домовичи, завсегда, как вырастем, новый дом искать отправляемся. Тут молодой хозяин в путь-дорогу отправлялся, я с ним и увязался. С кем-то из знакомцев проще. Молодой хозяин сюда сыры привез, я с фургона слез, и тут как ударило – такую силу почуял. Решил, хочу в таком доме жить! Вот и пошел. Ворота открыты, а тут этот когтистый встретил и чего-то про светящиеся дорожки толковать начал. Я и пошел по желтенькой, думал – в новый дом приду, а тут нету домов... – Рассказчик жалобно всхлипнул.

– Да-а-а, дела, – почесал затылок Хаг, а Янка тишком спросила у Лиса:

– Кто такие домовичи? Это что-то вроде домовых?

– Почти, только они первым делом о своем угле пекутся, а потом уж обо всем доме, где оказались. Ну и росточком побольше, точнее, менять его могут от крошечного до вот такого, – Машьелис кивнул на новичка.

– Спасибо, блюстители. Я ему все объясню, пойдем-ка в Лапу. Это так наше общежитие называется, – шумно вздохнул Лестор и, как мама-наседка, приобняв мелкого лопухого домовича за плечи, зашагал к общежитию. – Как зовут-то тебя, дружок?

– Ясеком кличут, – отозвался лопушок.

Новоиспеченный студент, в планах которого никакого присоединения к студенческому братству не было и в помине, шмыгнул носом, утерся рукавом и засеменил рядом со старшим товарищем. Уходя, еще и на девушку потерянно-благодарный взгляд бросил. Возможно, мелкому домовичу почудилось, что из доброй Яны Донской вышла бы замечательная хозяйка

отличного дома.

Сдав с рук на руки новичка, блюстителю и сами ушли с быстро пустеющей площади. Представление закончилось, завтра начнутся учебные будни, а сегодня еще оставалось время на обустройство, отдых, общение с друзьями и обмен новостями.

Яна предложила сразу заняться получением книг в библиотеке, вещей у коменданта и наведением порядка в комнатах. Парни переглянулись и сдались перед женской предусмотрительностью. Больших очередей у проворно летающих силаторхов, знавших свое хозяйство, будь то библиотека или склад, как свои восемь щупальцев, не бывало отродясь. Так что часа через три все срочные дела оказались сделаны. Янка даже успела душевно поболтать с Иоле, перед тем как соседку увлек на прогулку в город жених василиск. Тут объявились напарники землянки, взяли под белы ручки и потащили на пикник к Авзугару.

Глава 1

Пикник дубль два, или Туманные вопросы на засыпку

Веселый гомон студентов доносился издалека. На лужайке уже собрались едва ли не все третьекурсники-блюститители. Ребята бурно общались после каникулярных циклад. Насколько видела Яна, так сильно, как Машьелис, не изменился никто. Разве что Цицелир кардинально сменил прическу. Теперь его длиннющие синие волосы были заплетены в косу, а не ниспадали свободной волной. Наверное, парень, вдоволь намучившийся со своими лохмами на втором курсе, наконец решил, что практичность важнее красоты, и освоил искусство простейших манипуляций с собственной растительностью.

Эта самая мысль синхронно пришла в голову Хага, и тролль радостно загудел:

– Эй, Пит! Ты никак прическу сменил?

– Ясного дня, Хагорсон, отныне я Младший Поющий Напутствия нашего Дома, потому удостоен Владыкой Глубин права носить косу, – высокомерно задрал нос хвастливый сирен и театрально махнул головой, чтобы толстая коса перелетела с правого плеча на спину.

Звякнули вплетенные в волосы крохотные бубенчики, Янка едва удержалась от смешка при мысли о том, кому и для чего навешивают бубенцы на Земле. К крупному рогатому скоту Пит точно отношения не имел, а вот представить его в роли упрямого бодливого козленка экзотической синей расцветки девушка могла запросто.

– Удостоен... А я-то думал, ему в ветках на полигоне путаться надоело, – разочарованно прокомментировал Машьелис и отправился здороваться с девичьей компанией.

Там его встретили радостно-удивленными охами, ахами, а кое-кто и краснеющими щечками и стреляющими глазками. Честно сказать, Янка не ожидала такой реакции от Тааты, которую, кажется, раньше парни вообще не волновали как объекты приложения сердечного интереса, и сдержанной заучки Ольсы. Когда при встрече Донская называла напарника «девичьей сухотой», хотела лишь сделать ему комплимент. И вот на тебе! А ведь о Либеларо еще старшекурсницы не видели. Или видели, и теперь всю их команду ждет орда девиц, жаждущих познакомиться поближе с красавчиком-драконом?

Как же хорошо, что они с Лисом не афишировали своего неудачного обручения. Нет, обручение-то вышло успешным и сняло с Янкиной шеи ярмо невесты Сейата Фэро, заполученное на неудачном гадании. Только вторично войти под своды храма Ветров и Судьбы для сдачи браслетов помолвки с Машьелисом о Либеларо за весь прошлый год так и не получилось. Храм, словно шkodливый пацан, играл со студентами в прятки. Ерошил ветерком волосы, шутливо звенел колокольчиками в переулке, показывал кончик башенки, будто дразнился, высовывая язык, но «встречаться» с Яной и Лисом отказывался наотрез. Наверное, Судьбе виднее, в конце концов решила Янка. Может, эти браслетики на руках, как рассудила строгая бабушка Машьелиса леди Левьерис, ее внуку пригодятся для защиты от ненужных домогательств. А там ему и настоящую невесту подберут из богатого и знатного рода, подходящую по магической силе и ауре. Наверное, тоже из радужных драконов. Почему-то на миг при мысли об этом стало грустно, и Янка жестко отчитала мысленно саму себя за собственническое нежелание делиться друзьями. Все равно рано или поздно каждый из них встретит того, с кем захочет завести семью, детей. Это вовсе не значит, что они

четверо: Хаг, Стеф, Машьелис и она сама, Яна Донская – перестанут быть друзьями. И вообще, впереди еще три года обучения и совместной работы в команде блюстителей пророчеств.

Между тем, пока девушка размышляла, костер, не без магической помощи Еремила и Авзугара, успел превратиться в оранжевые уголья. Над ними разместили прутья и решетки с мясом и одну – с рыбой и овощами для не признающей животной пищи дриады Ольсы.

Аромат готовящейся пищи поплыл по поляне такой, что Янка невольно сглотнула слюну и подумала о том, как давно был завтрак. Пока Лис распускал хвост перед девицами, а Хаг общался с парнями, к Янке подсели Таата и Кайрай. На большой пушистой шкуре места хватало всем. Староста-гоблин завел речь о новом расписании, а Таата стала расспрашивать, привезли ли ей книги о хоббитах, как обещали. Донская клятвенно заверила, что трилогия «Властелин Колец» и «Хоббит» ждут приятельницу в Лапе.

Почему-то фэнтезийные книги с Земли еще с середины прошлого года стали пользоваться у Янкиной группы завидной популярностью. С тех самых пор как землянка привезла Лису заказанные романы о драконах-девственниках и еще несколько увлекательных вещей, подсунутых подруге Санькой, фанатом жанра. Томики стали гулять по всему общежитию, кочуя из комнаты в комнату, и в итоге исчезли с концами на просторах Лапы, где-то в районе крыла летописцев. Яна не стала скандалить и учинять следствие, только порадовалась, что не одолжила книги, а предусмотрительно выкупила их.

За беседой время до момента готовности мяса минуло быстро, и вот уже все третьекурсники жадно заглатывали горячие куски с острым соусом. Запивали, правда, соком. После разноса, устроенного деканом оборотню Авзугару и его спиртосодержащим коктейлям, даже бесстрашный медведь не рискнул нарушить запрета. Со строгого дэора стало бы воплотить в жизнь страшное обещание: подлить всем участникам попойки настойку, вызывающую отвращение к спиртному на декаду – на десять... лет.

Мясо – сочное, пряное, с корочкой – просто таяло во рту. Даже овощей и сыра не хотелось, только самого мяса, чем-то похожего на очень нежную нежирную свинину. Янка жмурилась и чавкала не хуже других. Да что землянка! Ей-то нравилась практически любая пища в академии. Даже Цицелир, хоть и сирен, которому полагалось питаться дарами моря – рыбой, устрицами да водорослями, – мясо лопал, только подавай добавки.

Расправившись с шашлыком, ребята сидели у огня. Пусть до сумерек еще далеко, но разве же это повод отказываться от любования бесконечным танцем живого пламени? Лениво текли ручейки разговоров, пока Авзугар – устроитель пикника – не рыкнул довольно: – Вей-хо! Поели, попили, теперь честным вопросам время пришло! А? Честный огонь – честный ответ! Третий год наш пошел! Такие дела делаем, а друг друга худо знаем! Пусть дым нас рассудит, коль готовы, и круг разговора создаст!

Радостно оскалившись, оборотень залез за пазуху и проворно швырнул в тлеющие угли какие-то листики, по мнению Яны, внешне очень похожие на коноплю. Почти мгновенно от кострища повалил белый ароматный дым. В голове у девушки мелькнула паническая мысль: «Споить Авзугар нас уже пытался, декан запретил, так теперь в токсикоманов превращает! Что делать?!» За себя Донская если и боялась, то не слишком, подышит, помучается дурнотой или галлюцинациями да придет в норму. Но на курсе имелись куда более опасные создания, чем безобидная землянка. Они под воздействием наркотиков могли натворить жутких бед. Если потеряет над собой контроль она, обычная девчонка – никому худо не будет, а если полудемон Еремил или дракон Машьелис, вампирша Ириаль, да тот же тролль Хаг,

обладающий гигантской силой, или сам оборотень-медведь?! Ой, худо!!!

Яна еще не начала как следует паниковать, попутно пытаясь зажать Машьелису нос и рот выхваченным из кармана платком, а дым уже перестал валить из костра пышными клубами, больше подходящими для дымовой шашки, и повел себя совсем не так, как полагалось дыму от травы. Пусть даже аналогу конопли. Белые клубы просочились между студентами, расползлись по периметру полянки, на которой блюстители устроили пикник, и встали стеной, отгораживая третьекурсников от всей академии.

– Вэй-хо! Круг сотворился! – довольно осклабился Авзугар и звучно хлопнул в ладони.

– Яна, прекрати меня душить, – тихо прошипел Лис, отбиваясь от настырной спасительницы, продолжавшей закрывать ему все дыхательные отверстия платком. – У тебя все равно скверно получается. Возьми пару уроков у мастеров, Брэдока или Теобаля попроси.

– Это что за горская забава? – хмыкнул Картен, пока большая часть ребят подозрительно принюхивалась и настороженно озиралась. Не слишком нравилось студентам-блюстителям затеянное оборотнем, и в первую голову потому, что затеяно было без предварительного объяснения и согласия. Внезапностей в учебе и жизни всем и так хватало с лихвой.

– Не игра, обычай такой, да! – насупил Авзугар густые брови и сверкнул желтыми глазищами, вины за собой не чуя.

– Шаманский круг откровений, – спеша поведать удивительную новость раньше друга, затараторила Таата, возбужденно блестя глазами. – Когда вождя выбирают, преступника ищут, новичка в род принимают иль иной обряд проводят – дымом шайрай-травы всегда у оборотней круг создают. А клубы-то дымные от костра белые шли, стена белая встала. Значит, чисты помысли наши, никто недоброго не замыслил!

– А предупредить? – мягко укорила организатора экзотического развлечения Юнина, склонив набок изящную головку, пока ее напарница подбирала цензурные слова для выражения негодования.

– Нельзя, не по обычаю, – почти извинился парень, разводя лапами.

– Что там у вас дальше по обычаю? – лениво прищурился Лис.

Освободившись от платка спасительницы-душительницы, он снова разлегся на шкуре и нахально уместил голову на мягких коленях виновато сопящей Янки. Хотела как лучше, а получилось как всегда. Дракончик жмурился, как большой кот, и балдел от ласковых пальчиков напарницы, перебирающих его кудри.

– Честный круг для честных вопросов сотворен, – торжественно повторился оборотень и выдал простые правила игры: – Я кормил-поил, мне первому и спрашивать! Кто ответил, тому и следующий вопрос задавать! Как все вопросы заданы будут, а ответы приняты, так дымный круг сам развеется.

– Почему бы и нет, – повела плечом успокоившаяся Ириаль. Она пересела поближе к Еремилу и теперь прижималась к нему плечом. – Если не захотим отвечать – промолчим.

– Расскажи, вызнал ты, Ема, какой волей Судьбы полудемоном оказался? – выпалил свой вопрос Авзугар, как и любой из оборотней, в первую очередь интересующийся силой физической, а уж потом всякой магией-шмагией, будь она хоть тысячу раз священной и исходящей от Первого Древа Игидрейгсиль.

Надалик повернул голову к любимой вампирше, принявшей его чувства только благодаря открывшейся сути демона, и, чуть помрачнев, спокойно ответил:

– Выяснил, ничего таить не стали. Мать с караваном ехала, когда на них банда сектантов-демонопоклонников напала. Отец тогда в отряде стражей, хранящих пути, служил.

О нападении их известили, схватились за мечи, да только опоздали. Всю охрану и почти всех путешественников безумцы порешить успели. Кровью, говорят, все залили. Матушку мою, тоже окровавленную, батя с алтаря снял, сам выхаживал. Потом они поженились, а я в положенный срок родился. Для человека положенный, да только они ж не подозревали, что у демонов дитя в утробе на три луны больше пребывать должно. Что не родной я бате, он знал. У него, оказывается, детей вовсе быть не может, проклятие старое, в битве давней насланное, сказывается. Брат его семенем с матерью моей делился по благословению храма Плодородия. А теперь в семье знают и о демонской крови, но для них я все равно как был сыном родным, так и остался!

– Хороший у тебя папа, – восхитилась Яна человеком, нашедшим мужество принять такие новости и сохранить любовь к неродному ребенку, не сыну брата, а потомку демона.

– Он меня растил, учил, из утробы материной принимал, в свою рубашку заворачивал. Как иначе-то? – пожал плечами Еремил. – Кровь демона силу дает, но разума людского и обычая не заменяет и не отменяет.

– Принят ответ, спасибо тебе, – не кивнул, а, скорее, поклонился Авзугар однокурснику в благодарность за откровенный рассказ. Мог ведь Еремил не отвечать так подробно любопытствующему приятелю, а все же сказал. Неужто потому, что отцом настоящим, тем, который воспитывал, бесконечно гордился?

Дымная пелена вокруг поляны после слов горца ритмично всколыхнулась, словно принимала ответ вместе с ним. Надалик кривовато усмехнулся и спросил, крепче прижимая к себе вампиршу Шойтарэль:

– Ириаль, ты выйдешь за меня замуж после окончания АПП?

– Выйду, – коротко ответила грозная красавица и трепетнула ресницами, положив голову на плечо избранника.

– Спасибо, – шепнул Еремил и поцеловал запястье зарозовевшей (для вампириши это было равносильно сильному смущению) возлюбленной, благосклонности которой добивался столь долго и безуспешно.

– Если клан воспротивится, отрекусь от клана. Ты теперь нас защитить сможешь, – гордо прибавила девушка и погладила свой чеканный браслет. Тот подтвердил слова хозяйки, маякнув короткой вспышкой темного света. Наверное, обещание вампириши слышали не только ребята в кругу, но и боги, покровительствующие Ириаль Шойтарэль. Станные, а все равно справедливые боги.

Дымное кольцо вокруг поляны вновь колыхнулось, принимая ответ. Ириаль задумчиво оглядела однокурсников, соображая, у кого и что спросить. Как назло ничего на ум не приходило, а долго думать и обстоятельно принимать решения девушка никогда не умела. Потому выпалила первый вопрос, залетевший в голову:

– Юнина, ты бы хотела узнать, кто твой отец?

– Не уверена, – растерялась Ройзетсильм. Эльфийка потупилась, покрутила в тонких пальцах яблоко. – По обычаю, встретившись в ночь обряда, мужчина и женщина расстаются навсегда. Ребенок считается подарком богов. Но, наверное, мне хотелось бы узнать имя родителя, может быть, поговорить, и если... – Эльфийка, проглотив соображения о своей нужности и вопросы к неизвестному отцу, закончила: – Иногда видется.

Ириаль кивнула, одобряя такой подход, а дым вокруг поляны снова пошел плавной волной, указывая «переход хода». Ребята начали получать удовольствие от затейной Авзугаром игры в вопросы-ответы и предвкушали новый раунд.

– Яна, каково это – жить в мире техники без магии? – спросила эльфийка, виновато пожимая плечами – дескать, ничего другого не придумалось.

В отличие от Титы, чужие секреты никогда не тревожили покой тактичной девушки. Удивительно светлая и терпеливая Юнина равно благожелательно принимала всех однокурсников, невзирая на их успехи в учебе, расу и прочие особенности. Даже чужим проступкам и выходкам она почти всегда находила оправдание, ну если только иной раз удостаивались гневного взгляда девы сморозившие очередную феерическую глупость Рос или Цицелир.

Теперь пришел черед землянки ненадолго задуматься над вопросом, чтобы в конце концов выпалить по-простому:

– Да как вам без техники. Не знаешь – не замечаешь, что нет. Я теперь про магию знаю, а все равно, пока дома, она вроде как и не нужна особо, о ней даже не вспоминаешь почти, привычки-то пользоваться не имеется. А в АПП с каникул вернусь, и сразу волшебству место находится. Хотя сейчас у нас такая техника, что от магии и не отличишь порой.

– Это точно! Хладный шкаф в теплом доме – чем не магический ледник? Коробка, где пищу за секунды греют, и кувшин, чтобы воду за минуту кипятить – как наши горячие пластины. Свет по щелчку квадрата на стене включается – легче, чем зажигается магический шар. В комнате на шкафу ящик тонкий стоит, диковинные картинки показывает. Точно через портал смотришь или кристалл-хран, – поддакнул и принялся перечислять Машъелис, лениво приоткрыв один глаз. Сейчас он напоминал вовсе не дракона, а кота, караулящего мышь. Наблюдал за игрой исподтишка, внешне ничем своего интереса не показывая.

– И впрямь на магию похоже, – согласились заинтригованные студенты.

– Только воздух у них в мире не лучше, чем около серных источников, – добавил о Либеларо, разом убив большую часть интереса однокурсников к техническому миру.

– За все приходится платить, – пожалала плечами Яна. Она припомнила зеленоватую физиономию Лиса и откровенно сине-зеленую мордочку эльфа Стефаля, пытающихся подышать воздухом Земли у дороги во время краткого визита команды в родные пенаты Донских на втором курсе. Больше никто из друзей в гости не напрашивался, как подозревала Яна, из-за разницы в составе атмосферы и ее удушающего воздействия. – Сейчас за экологией стараются больше следить, раньше хуже было. Магия – это сила, идущая изнутри, а для того, чтобы техника работала как магия, много чего снаружи сделать надо.

Волшебный туман подтвердил искренность ответа Янки. Теперь уже она растерялась, не зная, какой вопрос и кому задать, а потому, обведя однокурсников ищущим взглядом, брякнула:

– У меня никаких важных вопросов нет. Если только... Пит, а почему ты нам ни разу песен сирен не спел? Другие-то ты очень красиво поешь.

Цицелир растерянно приоткрыл рот. Вместо обычной мины в стиле «я венец творения, а вы лишь массовка, оттеняющая мое совершенство» на его мордочке отразилось легкое замешательство. А потом юноша ответил, поглаживая толстую косу:

– Когда сирен проходили, меня на расоведении не было, я в лекарском крыле лежал, а так... Наши песни на песнопения сухопутных совсем не похожи. Они слишком другие. Их, конечно, переводят, стараясь передать смысл, но истинные песни не нуждаются в переводе...

– Спой что-нибудь из любимого, пожалуйста! Вот у меня в мире даже сказки о дивных песнях сирен есть. Очень хочется послушать. Ты можешь? Для людей не опасно? – озаботилась девушка, ничего не припомнившая с расоведения об опасностях

неспецифических, не завораживающих песен.

– Хорошо, – неожиданно просто, без обычного кривляния, согласился Пит. – Я вам спою «Хвалу рассвету».

Он встал со шкуры, откинул назад косу и, даже не приняв позу поизящнее, запел о рассвете в океане. В людском представлении Пит не соврал, это вообще не являлось песней с куплетами и припевами, в ней вообще не было слов. Музыка лилась из горла сирена потоком, будто играли сразу несколько инструментов. Перед мысленным взором слушателей предстала картина возникающего из темных глубин бездонного океана солнца, танцующих на волнах рыб, парящих в облаках птиц, плещущихся в воде сирен...

Внимали все, а Яна благодарно думала: если Цицелир умеет так петь, то даже не важно, хороший он человек, то есть, нечеловек, или не очень. Главное, чтобы он просто был, если способен творить такие чудеса.

Когда сирен смолк, несколько секунд молчали все. Яна, Ольса и Юнина утирали с глаз слезы, как-то подозрительно моргал Хаг, шмыгали носами Тита с Таатой и Макс. Музыка произвела впечатление.

– Спасибо, Пит, это было грандиозно! Я никогда не была в океане, даже на берегу не стояла, а под твою песню видела, чувствовала, кажется, даже нюхала все, как наяву! – от всего сердца поблагодарила заказчица певца.

Тот, тяжело дыша, присел на шкуру и прикрыл глаза, показывая, что слышал слова девушки.

– Ну, ты даешь! У вас все так здорово поют? – Наверное, впервые за два года в голосе Картена, напарника Цицелира, прозвучало что-то близкое к уважению и восхищению.

– Все сирены – прекрасные певцы, я один из лучших в нашем клане, – на удивление скромно по своим собственным меркам объяснил Пит.

Голубокожий хамоватый парень цокнул языком, сунул в руки сирену свой стакан с соком и заботливо посоветовал:

– На, попей. Небось в горле пересохло.

Напарник с благодарностью принял напиток. Туманный детектор порадовал публику колыханием белых вихрей, засчитывая Питу песню в качестве ответа. Теперь уже сирен обводил задумчивым взглядом публику. Хотелось спросить о многом, но завистливая натура взяла верх, и парень спросил у Машьелиса:

– Почему вам по жребию больше всех пророчеств выпадает? Из-за Стефаля?

Касательно численности выпавших на долю Янкиной четверки пророчеств, подлежащих исполнению, Цицелир не ошибался. Никому другому так часто не «везло» с миссиями блюстителей пророчеств. В прошлом году не проходило и пары циклад, чтобы у компании не начинали зверски чесаться зеленые браслеты на запястьях, подающие сигнал вызова студентов в Зал порталов для очередной эскапады. Как они помогли исполниться первому простенькому пророчеству на турнире лучников, так и повелось. Хорошо еще все остальные свитки разбирали с помощью Стефаля. Поддержка эльфа как старшего и более опытного друга, опытного в первую очередь в выборе и применении листов Игиды, оказалась поистине незаменимой. Да, предсказаний команде доставалось много. Но все-таки Янка не думала, что жребии им выпадают исключительно из-за Стефа или в первую очередь из-за него. Однако послушать мнение напарника ей было не менее интересно, чем сирену.

Машьелис соизволил открыть оба глаза и даже сесть, оторвавшись от притягательных колен подруги.

– Думаю, любят нас Силы Судьбы, – весело оскалился дракончик. – Вот и засыпают подарками.

– Ничего себе подарочки, – поежился Максимус, так и не привыкший к миссии блюстителя пророчеств. Каждый раз, когда жребий обрушивался на него и напарницу Ольсу, парень больше всего боялся ошибиться или подвергнуть опасности хрупкую подругу. По счастью, им не выпадало ничего опасного, но все ведь когда-нибудь случается в первый раз. И Макс ждал испытаний почти с ужасом и ворохом очередных сожалений о том, что не выбрал простую карьеру военного. Там есть приказ, есть меч и враг – все четко и понятно. Мастера, конечно, работали над страхами юного блюстителя и понемногу утишали их, но до идеала еще было куда как далеко.

– Так они же Силы, вот такая странная любовь получается, – окончательно развеселился Лис. – К тому же, знаешь, Пит, наша четверка связана фиолетовыми лучами шэ-дара. Небось за такие нитки Силам нас проще дергать, чтобы пророчества побыстрее исполнялись.

Ничего о своих талантах, исключительном уме или прочих дарованиях Машьелис сирену не сказал, чем вызвал у того приступ задумчивости, начисто вытеснивший легкую зависть к любимчикам декана. Почему зависть была легкой? А потому что сам Пит даже для того, чтобы мастер Гадерикалинерос стал его боготворить, не пожелал бы взваливать себе на шею такой объем работы. Того, как его третировали в прошлом году из-за шарообразных личинок нидхёг, пронесенных по незнанию в стены АПП, юному зазнайке хватило на всю жизнь.

Признать полноту данного ответа Цицелир не поспешил, за него это сделал туманный круг, подавший сигнал о смене вопрошающего. Потому Лис хищно прищурился, раздумывая над каверзным вопросом, получил от бдительной напарницы воспитательный щипок и сдался, брякнув элементарное:

– Эй, Хаг, а кем ты мечтал стать до того, как в блюстителю угодил? Небось воином?

Вообще-то о своей жизни, доме, семье Хагорсон говорил вроде бы и охотно, и даже много, но как-то настолько обтекаемо, что друзья до сих пор знали точно лишь одно: Фагард седьмой сын вождя клана, у него три сестры и три брата. Остальную информацию приходилось получать, наблюдая за другом и ловя случайные или неслучайные (в отношении немногословного тролля про случайности стоило забыть) оговорки.

– Нет, я хотел быть мореходом. Может, еще и стану. Не век же блюстителем куковать, – степенно отозвался Хагорсон. – Да и не помеха одно другому.

– Так ты ж тяжелый! – неподдельно удивился дракончик, как-то попробовавший поднять друга. – Как сам-то плыть будешь, случись что?

– Освою в совершенстве левитацию или научусь ходить по дну с воздушным пузырем на голове, – предъявил сразу две разумные версии Хаг, и было непонятно, серьезен он или шутит.

Больше ничего о своих чаяниях тролль не сказал. Впечатленный мореходными планами не меньше Машьелиса, туман признал его ответ. Отвернувшись от напарника, Хагорсон обратился к старосте, вызвав оживление среди ребят:

– Давно хотел спросить, Кайрай, ты такой заботливый аккуратист и педант сам по себе или воспитывал нужные качества?

Гоблин польщенно пискнул, задумчиво пошевелил ушами-лопухами и, поразмыслив, добросовестно объяснил:

– Я старший сын в семье. У меня семь сестер, одна другой меньше. Маму унесла черная гниль после рождения младших близняшек. Лишь отец да бабка остались. Обо всех

заботиться приходилось, пока сестры подрастали, вот как-то само и получилось.

Третьекурсники еще долго сидели на поляне, даже после того как каждый задал по вопросу и исчез волшебный туман. Говорили обо всем на свете и так откровенно, как не говорили прежде. Авзугар, сам того не ведая или ведая каким-то звериным чутьем, оказал всем большую услугу: помог сделать последний шаг к почти полному доверию. Тот самый последний, какой и давно бы пора сделать, а что-то мешало. То ли непонятно откуда взявшееся смущение, то ли остатки предрассудков.

Словом, как показалось Яне, устраивались на пикник однокурсники-блюститители, а расходились если не товарищи, то наверняка добрые приятели.

Вечер в обществе друзей (а Иоле и Стефаль присоединились к компании) прошел замечательно. Правда, не хватало Йорда, закончившего обучение в прошлом году. В АПП он остаться не смог, зато бывшего студента-летописца и будущего выдающегося артефактора с удовольствием приняли на работу в Коллегию артефакторов, где юный василиск в ранге ученика и планировал ждать суженую, копя деньги на семейную жизнь. В ближайших целях у него стояла покупка своего дома в Дрейгальте. В этом и следующем году василиск и ифринг могли встречаться лишь в выходные дни и на каникулах, а если щедрый декан подпишет пропуск Иоле или разрешение посетить академию Йорду, то и среди циклады. Насчет пропусков и разрешений тихая скромница Латте начала дожимать Гада уже со вчерашнего дня.

Зато Стефаль, который тоже завершил обучение в академии, остался в стенах АПП на законных основаниях для написания научной работы под руководством дэора Гадерикалинероса. Потому эльфю разрешили сохранить за собой место в общежитии. С другой стороны, как сказал Лис, зрелище переселения эльфа с его любимой изрядно разросшейся са-ороей – «маленьким», занимающим всю комнату деревцем – наверняка показалось руководству АПП столь эпическим и незабываемым, что они решили еще немного морально к нему подготовиться. Лет эдак пять или лучше семь. А там, глядишь, руководство в академии сменится, и обязанность выселить Стефа с деревом из Лапы ляжет на другие плечи.

К занятиям первого дня готовиться никто не собирался, потому сидели ребята ровно до сигнала, извещавшего обитателей общежития о необходимости разойтись по своим комнатам. Студентам мужского пола после десяти вечера в женской части коридора оставаться настоятельно не рекомендовалось. Браслеты на руках загостившихся студентов каким-то образом подавали сигнал декану. А получить от Гада, нет, вовсе не нагоняй, а приглашение на дополнительную лабораторную, отработку или иное, еще более «завлекательное» мероприятие, способное компенсировать потребности в общении с девушками, никому не хотелось. Оторванный от своих экспериментов, каковые обожал проводить вечерами, декан становился особенно изощренным и изобретательным по части полезных наказаний. Картен как самый везучий попаданец на нарушениях правил проверил это пару раз на своей шкуре и зарекся.

Так что единственное, что сделали напарники вместе, – это, дружно спохватившись, что так и не глянули расписание, сбегали в общефакультетский зал, разграничивающий коридор «по половому признаку». На завтра блюстителям-третьекурсникам поставили риторику, лекарское дело, физкультуру и старые добрые знаки. Лекцию с лабораторной в придачу.

К этому сравнительно скромному расписанию блюстителям надлежало самостоятельно выбирать дополнительные часы и предметы, скромно именовавшиеся «факультативами». На

деле оные оказывались порой важнее и нужнее иных обязательных занятий. Ну а если студенты этого не делали, то их ждала «интереснейшая» воспитательная беседа с любимым деканом, прочищающая мозги.

Парни, как обычно, собирались на факультативы по магическим и оружейным боям, а вот Яна пока только думала над выбором. Физические упражнения для восстановления формы от мастера Леоры и полезные занятия с Сейата Фэро по приговорам она и так считала обязательными. А добавить к списку еще что-то, просто для того, чтобы добавить, не спешила, рассчитывая на совет декана или мастеров.

Глава 2

Как стать настоящим студентом

Сигнал об официальной побудке подал колокол. Разленившаяся за каникулы Яна, упорно считавшая такое раннее утро ночью, вынужденно проснулась. До отвращения свежая и веселая Иоле, заполучившая-таки вчера поздним вечером постоянный пропуск за ворота АПП, уже вовсю порхала по комнате, аки весенняя бабочка на первых цветочках. А сонная землянка брызгала в заспанные глаза холодной водой.

Обиженно заурчал требующий завтрака живот, и девушка решительно встряхнулась. Отдых кончился, пора втягиваться в учебный ритм! Ради Янкиной лени никто расписание уроков и, что самое обидное, завтраков менять не будет. Колокол-будильник вообще магический артефакт и «ломается» только по воле и прихоти мастеров, то есть, по сути, вечен!

Прихватив с собой банку с солеными огурчиками, девушки решительно выдвинулись в сторону столовой. По пути они привычно стукнули в двери ребят. Те ответили бодрой дробью и присоединились к подругам. В двери заведения общепита ввалилась целая голодная компания.

– К чему у нас на завтрак-то огурцы? – удивился Лис, заглядывая в матерчатую сумку напарницы. – Вроде вчера ничего, крепче сока, не пили, только нюхали.

– Это не нам, – отрезала Янка и, подойдя к стойке, протянула трехлитровую банку силаторху с вежливыми словами:

– Ясного утра! Мастер Вархимарх, вы нас весь год кормите и поите, позвольте вас угостить! Это соленые огурчики с моего дачного участка!

Осьминог на несколько мгновений впал в ступор. За все время работы в АПП ни один студент не порывался угостить его чем-либо. Банка в руках Яны замерла рядом с синим щупальцем. Повар быстро отмер и аккуратно принял подарок. На макушке у Вархимарха выступило несколько ярких фиолетовых пятен, отражающих волнение силаторха.

– Спасибо, девица.

Больше мастер-повар не сказал ничего, но баночку с огурчиками припрятал молниеносно, как корова языком слизала, и посмотрел так проникновенно, что ребята понимающе облизнулись. Лис готов был хоть сейчас спорить: подарочек без отдарочков не останется. Какой бы вкуснотищи благодарный силаторх ни приготовил в ответ, в любом случае это будет обеденьем.

Он и сейчас, прекрасно зная вкусы всех студентов, в восемь щупалец накидал им на подносы самых лучших блюд, не дожидаясь заказа. Потому друзья почти не разговаривали за завтраком и только жевали, закатывая в восхищении глаза.

Третьекурсники и вовсе не спешили молотить языком по объективной причине: впереди их ждали прекрасный предмет, высокопарно именуемый «риторикой», и старая гномка – мастер Кихшертп. Само ее имя на незамутненный взгляд землянки уже было риторическим упражнением на артикуляцию. Правильно называть бабушку Яна, конечно, научилась, заставив себе раз двадцать повторить неповторяемое, однако мысленно именovala старую даму «Черепухой Тортиллой».

Вслух произносить девушка такое не отваживалась, ибо чревато! Слишком легко, как

малыши ветрянку, друзья и однокурсники подхватывали прозвища, походя данные ею учителям. А ведь далеко не каждый из мастеров мог отнестись к собственному новому «имени» столь благосклонно, как мастер Лесариус! Тот считал свое прозвище «старичок-молоток» чем-то вроде второго имени и почетного звания одновременно. Сатана Феррум, то есть Сейата Фэро, к примеру, комплиментом свою кличку не считал, хорошо еще она «в народ» массово не пошла, потому как нужных ассоциаций у большинства студентов не вызывала. Но и «камерного пользования» для назначения нескольких отработок самым языкастым мастеру хватило.

В схожести старой гномки с черепашкой Яна была уверена так же, как и в распространении этих животных в мирах, потому крепко держала язык за зубами. Обижать пожилую женщину с риском нарваться на уникальное задание вроде «Приведите в защитной речи семь доказательств обоснованности данного прозвища» не хотелось совершенно.

Яна не стремилась сердить, да и вообще привлекать внимание преподавателя риторики. В первую очередь из-за собственной явной неспособности к предмету. Это болтун Машьелис был готов симпровизировать речь на любую тему, стоило только мастеру дать задание. У Хага получалось достойно ответить, предварительно хорошенько обмозговав вопрос. Несчастливая землянка в сравнении с напарниками чувствовала себя косноязычной дурой. Ужасное задание, над которым бедная студентка корпела час или больше, дракончик с вызывающей белую зависть небрежной легкостью походя выполнял и приводил в достойный зачета вид за какие-то пять, максимум пятнадцать минут. Так что на первое занятие Янка не шла как на каторгу только в силу отсутствия домашки на каникулы.

Когда мастер – квадратно-форматная, морщинистая и низенькая пожилая дама с короткой стрижкой и большими круглыми очками, одетая в консервативную фиолетовую мантию с темно-зеленым кантом, – вскарабкалась на кафедру и оглядела аудиторию, у всех третьекурсников зашевелились нехорошие предчувствия. А когда госпожа Кихшертп радостно улыбнулась и возвестила:

– Ясного дня, деточки! Вижу, вы все хорошо отдохнули и набрались сил для новых свершений! – предчувствия переросли в уверенность.

Оная же моментально получила подтверждения, стоило доброй бабушке закончить монолог:

– Давайте-ка разомнемся! Мы с вами готовили длинные речи, импровизировали в диалогах, отправляли в полет воображение, наслаждались красотами эпитетов, сравнений, метафор, но! – Тортилла сделала многозначительную паузу. – Помним ли мы, для чего все затеяно? Кто дерзнет поведать о высшей цели наших занятий?

Мастер обвела аудиторию испытующим взглядом из-под очков. Народ безмолвствовал. У Янки же, как назло, совершенно не вовремя зверски зачесался кончик носа. Бедная девушка крепилась, сколько могла, и все-таки звучно чихнула в ладони.

– Яна Донская?! Просим-просим! – рассиялась старая гномка, принявшая конфуз за инициативу.

Девушка тяжело вздохнула и поплелась на сцену перед кафедрой как на казнь. Выступать с места мастер позволяла очень редко. Как назло ни одной мысли о том, с чего начать, в голове не мелькнуло. Нет, о самой миссии и долге блюстителя пророчеств Яна знала, но, как собака, все понимая, не могла облечь свои мысли в достойные слова. А связать слова в предложения и выдать речь хотя бы минут на пять нечего было и думать. Бедную девушку – добровольца поневоле – ждало позорное поражение.

«Еще бы в стихах мастер говорить потребовала», – обреченно взывала землянка, понимая, что в любом случае неизбежный провал – дело нескольких минут. Импровизировать на заказ Яна не умела катастрофически. Она уже открыла рот, чтобы заявить о своей неспособности ответить, но тут случилось чудо! То самое, которое случается тогда, когда в нем нуждаются больше всего! Девушку осенило. Она увидела даже не скромную калитку выхода, а парадные ворота с оркестром, играющим туш, цветами, красным ковром и ликующей массовой.

Янка встала на сцене и на всякий случай осторожно справилась у мастера:

– Можно в стихах?

– Конечно же! – приятно удивилась преподавательница и умиленно сложила ладошки лодочкой перед грудью.

Донская откашлялась и объявила:

– Редьярд Киплинг. «Заповедь». – А потом с выражением начала читать заученное еще в школьные годы стихотворение: «Владей собой среди толпы смятенной...»

Без запинки Янка в абсолютной, почти звенящей тишине прочла произведение гениального автора. Замолчала, не зная, нужно ли говорить что-то еще, или можно садиться на место. А старенькая мастер Кихшертп, явственно борющаяся с волнением, проглотила подступивший к горлу комок, часто-часто заморгала, сняла очки, протерла платочком стекла, судорожно вздохнула и лишь после этого взволнованно выпалила:

– Удивительное стихотворение! Как емко, четко и в то же время образно отражены в произведении призвание блюстителя и суть миссии! Автор был блюстителем, летописцем или пророком, Яна?

– Вряд ли, – чистосердечно ответила девушка. – Это поэт и писатель моего мира, где никто не знает об Академии пророчеств и предсказаний. У нас вообще техническое измерение, магии как таковой нет.

– Гении! Они живут и прозревают сквозь время и пространство миров, о том не ведая, – прочувствованно объявила мастер и, наверное, впервые за все время занятий похвалила студентку за ее собственную, а не сделанную добрыми напарниками работу: – Вы выбрали удивительное стихотворение для решения поставленной задачи, Яна. Я ставлю вам зачет за семестр. Но, надеюсь, к урокам готовиться не перестанете?

– Не перестану, – выдохнула пораженная девушка.

И так понятно, лодырничать Тортилла никому не позволит. Однако мысль об уже поставленном зачете принесла девушке несказанное облегчение. Когда не висит над душой дамокловым мечом страх провала, даже учиться как-то легче и спокойнее. Неужели мудрая старушка просекла состояние студентки и решила помочь? Может, она и вызвала ее первой с такой целью?

Дальше занятие шло спокойно, лишь напоследок Яну попросили записать бессмертный шедевр Киплинга для ознакомления с ним других студентов. Тут же влез Машьелис и предложил начертать гениальные строки несмыслимой краской на стене кабинета риторики. Дракончик думал чуть-чуть пошутить и дошутился. Мастер Кихшертп благосклонно одобрила инициативу. Зачет, правда, Лису не пообещала, лишь посмотрела ласково-ласково и улыбнулась. Пришлось Машьелису пообещать в ближайшие дни явиться для каллиграфического запечатления бессмертных строк классика. Зато у Янки отпала нужда переписывать стихотворение. Раз услышанное о Либеларо не забывал никогда, лишь время от времени разыгрывал забывчивость.

Лекарское дело мастер Лесариус начал с повторения самых актуальных тем первых двух

курсов. По счастью, мудрый старичок не зверствовал над наотдыхавшимися и чуть-чуть заотдыхавшимися студентами. Вопросы задавал спокойно и позволял самым внимательным выручать склеротиков, отвечая мастеру с места. Так мало-помалу третьекурсники бегло освежили в памяти основные моменты пройденного материала. Если кто что не вспомнил, так теперь точно знал, какие именно темы вероломно ускользнули из памяти, да и старичок-молоток приметил самых забывчивых и взял на заметку.

Окрестности спортивного корпуса встретили студентов обновленной комплексной полосой препятствий, на которую мастера-тренеры для занятия-разминки с радостью запустили разом всех. Ждать своей очереди больше не было нужды. Артефактное сооружение распалось на полосы для прохождения командами в соответствии с распределением шэ-дара.

Из грязи-льда-огня-шипастых кустов и творчески перемешанного набора прочих вдохновляющих на подвиги препятствий разленившуюся за каникулы напарницу Хага с Лисом выволакивали чуть ли не на себе. Ладно хоть ехидный дракончик придержал язык и не прошелся насчет плохой физической формы девушки. Красноречиво промолчавшая Леора ограничилась лишь укоризненным покачиванием головы и добавлением в расписание студентки парочки вечерних занятий. Чего, в общем, Яна и так ожидала.

Гад, как и следовало предполагать, поступил типично по-гадски. Устроил контрольную на знаки. Ничего, кроме простановки имени знака перед символом, правда, не потребовал, но символов-то выдал столько, что студенты схватились за головы. И ведь не спишешь! Вариантов работ коварный декан тоже выдал не меньше десятка, а потом, вот зараза, велел обмениваться листками с соседями и проверить друг друга. Таким образом, объем проверочной работы для каждого блюстителя и почва для оценки оной у преподавателя увеличились ровно вдвое. По счастью, Янка была уверена в своих ответах. Если она что-то и зубрила все эти годы до посинения, так это внешний вид и значение знаков Игиды. Листики со значками являлись весомым подспорьем в работе команды, к тому же единственным, что девушка была в силах дать напарникам. Талант приговорщицы, пусть и важный, и сильный, казался Яне чем-то вроде огнемета, стрелять из которого по воробьям – субъектам пророчеств – было, по меньшей мере, неспортивно. Да и применять свои силы Донская считала нужным лишь на настоящих врагах или хотя бы противниках. До таких высот владения даром, чтобы приговаривать друзей и незнакомцев ради их пользы, не нанося настоящего вреда, как об этом говорил на занятиях мастер Фэро, землянке было еще очень и очень далеко.

Словом, денек выдался не из легких. Зато ужин показался Донской пиром, достойным богов. Благодарный силаторх был в ударе. Студенты едва язык не проглотили от удовольствия и за добавкой ходили трижды. Потому выходящую из дверей столовой осоловевшую после сытной трапезы землянку волновала только парочка вопросов: «Зачем я так объелась?» и в продолжение первого: «Кто покатит меня до общежития?»

Куда-то идти не было ни сил, не желания. Хотелось приземлиться на скамеечке и немного отдышаться. Что Янка и сделала, благо скамеек на территории АПП хватало на всех желающих. Никуда не спешащие напарники хлопнулись рядом.

На скамье, послужившей пристанищем объевшейся девушке и ее друзьям, уже сидел студент. Эти уши и жалобный взгляд девушка узнала сразу. Первокурсник-летописец из домовичи замер пародией на роденовского мыслителя и активно страдал.

– Привет, мелкий! – фамильярно провозгласил Лис.

– Ясного вечера, как ты, Ясек? Обжился? – вежливо поздоровалась девушка.

– Ясного, – попытался улыбнуться новенький и, не удержав покерфейса, всхлипнул, а потом и вовсе бросился Янке не грудь и разрыдался, как ребенок.

У русской девушки моментально сработал родительский инстинкт. Ясека сграбастали в объятия, начали гладить по голове, спине, приговаривая что-то ласковое и утешительное. Потихоньку юный летописец успокоился и даже смог поведать о своей грусти-печали.

Никаких трагедий у домовичи, конечно, не случилось. Но вот с соседом-человеком ему не очень-то повезло. Вчера вечером, когда новичок спросил о предназначении тюбика на полке, ему с усмешкой посоветовали намазать содержимым лицо. Лопухий простофиля последовал коварной рекомендации. Когда спустя несколько секунд кожу начало пощипывать, наивный домовичи высунулся из ванной и спросил, долго ли следует держать мазь?

Тюбик оказался зубной пастой с легким флюоресцирующим эффектом для усиления белизны зубов, а сосед попался очень впечатлительный. Орал он так, что переполошил все крыло летописцев. От старосты Лестора по итогам разбирательства влетело обоим. Человеку – за дурную шутку над новичком, домовичи – за безалаберное пользование неизвестным продуктом, пренебрежение собственным здоровьем и нарушение общественного спокойствия.

Все было бы не столь страшно, если бы этим и закончилось. Но в каждой избушке свои погремушки. Нашлись они и у мирных с виду летописцев. В общем, бедолага Ясек попал под коллективный каток. Оказывается, каждый год один из первокурсников-летописцев, выбираемый по жребию, обязан был придумать что-нибудь эдакое, способное потрясти как можно большее число студентов – какую-нибудь грандиозную выходку. Чем больше охваченного шуткой народа, тем круче! Неудача ложилась позорным пятном на репутацию всего факультета!

Теперь лопухий домовичи, выбранный в добровольно-принудительном порядке на должность главного шутника сезона, сидел и страдал. Он никого потрясать не хотел. Ясек даже напуганного до легкого заикания соседа жалел от всего сердца. Пухлик-добрячок Лестор, взявшись за гуж власти, научился не только оперативно решать вопросы и находить общий язык со студентами, феох поневоле в кратчайшие сроки освоил и искусство ругани вкупе с чтением морали проштрафившимся летописцам. На почве общих мук из-за грандиозной выволочки старосты соседи быстро помирились.

Находчивый Машьелис, не видя проблемы в задачке-пугалке для первокурсника, с ходу сгенерировал и предложил вариант решения:

– Стефаль, наш напарник, говорил о постоянном доступе летописцев к архиву пророчеств. Почему бы тебе не поискать какой-нибудь свиток по миру Игиды, а еще лучше по академии или Дрейгальту. Почитай, возьми за основу, перевери и распространи как слух о грядущих великих потрясениях. Должно сработать! Летописцы, конечно, не пророки, но впечатлительных и у вас хватает.

– Я не умею врать, не смогу... – уныло протянул Ясек, не поддаваясь на провокацию.

Машьелис разочарованно поморщился. Ему было дико слышать отказ. Сам дракончик, соблазненный перспективой безнаказанно покопаться в залежах пророчеств и мистифицировать уйму народа, заглотнул бы наживку моментально.

– Эх, не хочешь, как хочешь, у меня других идей нет, – нахохлился доброхот. – Может, у Янки есть?

Блестящей идеи от доброй девушки Лис, конечно, не ждал, зато видел в отказе

напарницы способ надавить на Ясека, чтобы тот сдался и принял идею дракончика к исполнению.

– Не знаю, – подергала кудряшку у виска Яна. – У нас в институте никто сильно не шутил. Бывало, надписи смешные на кабинетах делали, объявления об отмене занятий или внеплановом зачете писали. Правда, мама рассказывала, когда сама девчонкой была, в летнем лагере ребята по ночам ходили друг друга пастой зубной мазать. Ох, и шуму утром было!

– А вот так я бы смог, – оживился домовичи. – Мне ж теперь все общежитие дом, я в любую комнату попасть могу. Только после пасты лицо шибко жжется и красные пятнышки остаются. Меня кремом лечили. Может, чем другим мазать? Чтобы не пострадал никто.

– Светящимися красками, – подкинул мысль Хаг, с легкой улыбкой наблюдавший за действиями провокатора драконьего племени. – Деньги-то у тебя есть? Вроде подъемные уже выдавали.

Ясек с готовностью закивал и похлопал ладошкой учебную сумку.

– Вон там лавка. – Палец тролля указал на заведение фееры, стоящее неподалеку от столовой. – Купи краски, какие пожелаешь, и ночью, производя впечатление, распишешь всех хоть с головы до пят. Только к девчонкам не ходи, сигналка у декана застучает, из отработок не вылезешь, до конца семестра будешь драить площадь и лестницы в Башне Судеб.

– Спасибо, – расплылся в улыбке Ясек, подпрыгнул и чуть ли не бегом припустил к дверям волшебного магазина.

– Пойдем в Лапу? – уточнил дракончик у друзей.

– Я пока никуда не пойду, обьяелась, – честно обьявила Янка, всем своим видом демонстрируя, что готова прилипнуть к скамье, но не сдвинуться с места.

– Как хочешь! – беспечно обьявил Лис, мгновенно подобравший себе другое занятие по душе. – А я, пожалуй, схожу, гляну, чего там малыш покупать будет. Может, посоветую!

Хаг чуток подумал и решил составить другу компанию, чтобы тот с домовичи на пару не вяпался в очередные приключения, читай, неприятности. Нагнав первокурсника у дверей, блюстителю подхватили его под белы ручки и чуть ли не на буксире внесли внутрь под тихое звяканье колокольчиков. Мелкий домовичи сиял доверчивой улыбкой – его не оставили, подсказали, помогают!

Янка еще немного посидела, подставляя лицо прохладному вечернему ветерку, поплотнее запахнула куртку и отправилась в общежитие. Задания по знакам, которыми щедрый и справедливый декан одарил всех студентов вне зависимости от уровня успешности выполнения контрольной, никто не отменял.

Вечер после работы над упражнениями от Гада и выполнения нового задания от Тортиллы прошел у Янки и Йоле под знаком сплетен. Девушки долго шептались, лежа в кроватях при выключенном свете. О чем? Так о чем могут шептаться девушки? Конечно, обо всем на свете и в первую очередь о мальчиках. Латте могла говорить о своем Йорде часами, а подруга ей поддакивала и искренне по-белому завидовала.

Романтические увлечения у Янки бывали, а вот романтических отношений – так, чтобы влюбиться насмерть, взаимно, и забыть обо всем на свете – нет. Не считать же серьезными отношениями пару неудачных институтских романов, о которых и сама девушка предпочла бы забыть как о двух самых больших ошибках в жизни. За вторую из этих «ошибок» Яна уж и замуж с дури собиралась, пока случайно не услышала разговор по телефону «любимого», планирующего скорую продажу квартиры невесты. Причем беседовал тот с любовницей,

отношения с которой даже не думал прекращать из-за грядущей женитьбы. Летели тогда с лестницы горе-жених и его вещи со свистом. Девушка даже потом не плакала. Слишком зла была, и не столько на обманщика, сколько на саму себя. Это какой же дурищей надо было быть, чтобы поверить и довериться такому! Ведь чувствовала, что-то не так, ведь и мама с бабушкой, и отец намекали, а она на все глаза закрывала, пока их пошире поневоле распахнуть не пришлось.

В общем, за подругу Донская радовалась от всей души и немножко, самую капельку, потихоньку надеялась на то, что и ей когда-нибудь выпадет хоть кусочек настоящего счастья. В магию-то она никогда не верила, однако в магическую академию угодила. Так почему бы не случиться еще одному чуду? Счастливой любви! Яна вовсе не бурных страстей жаждала, а встретить, как Иоле, того, кому не страшно будет открыться. Того, кому нужна будет не ее жалкая квартирка, а она сама, какая уж есть: немножко ленивая и любящая покушать. Конечно, пусть он встретится не сейчас, а когда-нибудь попозже.

А пока можно и браслет Машьелиса поносить. Бедняга-напарник так подрос и похорошел, точно от девиц отбою не будет. Пока на скамье сидели, шедшие мимо студентки глазками стреляли да улыбочки дракончику раздаривали. Лис, конечно, все видел и даже кое-кому мимолетно улыбнулся, но шалость с домовичи его в те мгновения заботила больше девичьих авансов, потому юноша предпочел сделать незаинтересованный вид.

Глава 3

Опять двадцать пять

Второй учебный день в расписании начался с нового предмета. Название его магический переводчик АПП для землянки перевел заковыристо: «Технология блюдения исполнения пророчеств».

Надо сказать, аудитория третьекурсников-блюстителей в ожидании мастера бурлила вовсю. Кто-то смеялся, кто-то возмущался и недоумевал. Каждый из студентов, а кое-кто – не будем показывать пальцем на Янкину команду – отнюдь не по одному разу уже побывал в прошлом году в Зале порталов по жребию блюстителя пророчеств. Потому ребятам казалось странным: с чего это их вздумали учить работе *после*, а не *до* ее начала.

Ответ прозвучал с ударом колокола, и был он оглашен голосом преподавателя самых сложнопостигаемых, а оттого и наименее любимых среди студентов предметов – мастером Ясмером. Свет дурно-головоломной славы основ Мироздания и истории Игиды неизбежно осенял и чело изрекающего великие истины. Словом, любимым учителем молодого педагога не мог назвать никто. Если у мастера и имелись поклонники, обожествляющие его манеру чтения лекций, то афишировать свои пристрастия они не спешили. Наверное, опасались, что их в принудительном порядке доставят в лекарский корпус для освидетельствования мастером Лесариусом на предмет психического здоровья.

– Ясного дня, студенты, весь этот семестр мы будем встречаться с вами на занятиях по технологии блюдения пророчеств. Итогом наших встреч станет зачет, – поздоровался Ясмер.

Аудитория, у которой еще были свежи воспоминания о лекциях мастера, взвыла, предвкушая неисчислимые муки. Мастер, молодой симпатичный шатен с шоколадными глазами, опущенными длинными ресницами, позволил себе короткую, совсем не мстительную улыбку и сухим тоном, не вязавшимся с приятной внешностью, пояснил:

– Данный предмет, в отличие от предыдущих, изученных вами под моим руководством, не должен вызывать серьезного умственного напряжения. Разумеется, при систематическом посещении лекций, семинаров и общении с приглашенными специалистами. Теперь ответу на озадачивший вас хронологический вопрос. Руководство АПП считает, что часть теоретической базы блюстителем пророчеств надо давать на практическом фундаменте. Проще говоря, дабы вы, господа студенты, со вниманием отнеслись к предмету, вам требовалось отследить в реальности исполнение простейших пророчеств зеленого, реже желтого маркера. Итак, приступим. – Мастер Ясмер встал за кафедру и окинул настороженный коллектив беглым взглядом. – Кто скажет, что можно считать первым этапом работы блюстителя пророчества?

Студенты обреченно переглянулись. Кажется, насчет отсутствия «серьезного умственного напряжения» мастер рассудил неверно. Самоотверженная Ольса подняла растопыренную ладошку.

- Блюститель пророчества начинает свою работу с изучения печати свитка пророчества.
- Точнее, – потребовал ответа Ясмер.
- С маркировки печати, – поспешно поправилась зарозовевшая девушка.
- Неужели? – приподнялись вверх обе брови мастера.
- С чесотки у блюстителя из-за жеребьевки у летописца-дежурного, – выпалил, вставая

на защиту напарницы, Макс.

– Уже ближе, – милостиво намекнул мастер.

– С приближения срока исполнения пророчества, о котором предупреждает свечение печати свитка пророчества, – четко, как по писаному, выдала Юнина, опередив остальных студентов, сообразивших, куда клонит учитель.

Милостивый кивок возвестил о достижении нужной точки-начала. И лекция по теме, о которой, как казалось чрезвычайно опытным третьекурсникам, они знали практически все, а оказалось, что имели лишь представление об основах, потекла дальше.

Нет, ничего ужасного мастером не изрекалось, даже писать много не пришлось, просто было немножко обидно. Студенты привычно строчили конспекты и внимали Ясмеру, радуясь отсутствию головных болей. В отличие от зачета их можно было опасаться.

За «технологией» снова шли Гад и знаки, знаки, знаки на лекции, практической и лабораторной по очереди. С точки зрения систематизации знаний – все продумано и замечательно, с точки зрения количества знаков на одну студенческую душу – несварение мозгов гарантированно получили все, кроме трудяжек вроде Ольсы, Юнины и Кайрая. Машъелис, гениальный балбес, взял драконьей памятью.

Физкультуру и следующую за ней тренировку с рогаткой заучившаяся Янка встретила чуть ли не со слезами радости на глазах. Пусть лучше доконает физическая нагрузка, чем треснувшая от обилия информации черепушка.

Как-то на первом курсе Латте утешала соседку, говоря, что нагрузка в первые дни у поступивших в АПП больше, чем у студентов других курсов. Дальше, дескать, будет легче. Нагло соврала! Или это Янкиному курсу выпало столько эксклюзивной радости по какой-нибудь столь же эксклюзивной причине вроде особенной любви декана Гадерикалинероса к третьекурсникам?

В общем, тройка Донской, так же как и другие однокурсники, двигалась на ужин в столовую со скоростью тяжелогруженной баржи. Даже выносливые парни не спешили обогнать напарницу. Им-то, чтоб не сачковали и не вздумали расслабиться, почувствовав силу, добросовестные Теобаль с Леорой нагрузку подобрали такую, чтобы вымотать по полной программе и чуть-чуть сверху.

Кажется, сегодня все преподаватели организованно вступили в секретный клуб «Замучай студента!», сговорились и всерьез взялись доказывать третьекурсникам, что для успешного выполнения функций блюстителей пророчеств надо не только «учиться, учиться и еще раз учиться», а еще и «тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться».

Потому ужин нынче радовал Яну не только возможностью хорошенько покушать, а и шансом хоть ненадолго отложить заботы о занятиях. Дракончику, начавшему было вспоминать что-то о знаках Гада, Хаг недолго думая свободной от вилки рукой отвесил легкий подзатыльник и с ласковым оскалом посоветовал сменить тему. Если же другу не кушается спокойно, убратся из столовой, да вот хоть в кабинет риторики, и заняться настенной росписью. Даже если Машъелис и собирался лишь пошутить, напарники были не в состоянии выслушивать шутки об уроках.

Латте и Стефаль, с которыми компания встретилась за столом, хором посочувствовали замученным друзьям, но с соболезнаваниями тактично не полезли. Только эльф, теперь уже не студент, но аспирант, имеющий право питаться в стане преподавателей, отлучился к раздаче и вернулся с невзрачными на вид умопомрачительно благоухающими пирожными и молча поставил блюдечки рядом с каждым из друзей.

К концу трапезы замученные третьекурсники немного отошли от шоковой терапии мастеров, подобрели и уже не взирали на мир мутными от усталости глазами. Потому знакомую фигурку Ясека на скамеечке заметили сразу.

– Опять лопаухий страдает, – констатировал очевидное Хаг.

– Жаль паренька. Пойду узнаю, как он, – предложила Яна и первая направилась к летописцу. Хаг и Лис потопали следом, а остальная компания, не знакомая с домовичи, предпочла вернуться в Лапу, чтобы не ставить новичка в неловкое положение.

Скорбящий студент не замечал блюстителей до тех пор, пока с ним не поздоровались:

– Ясного вечера, Ясек.

– Ты как? Получилась шутка? – влез неутомонный Машъелис, бесцеремонно плюхнувшись на скамью рядом с понурым студентом.

– Ага, получилась, – мрачно согласился домовичи и почему-то потрогал левое ухо. Насколько можно было разобрать под торчащими в разные стороны вихрами, оно было краснее и больше левого.

– Рассказывай! – потребовал нахальный блондин.

И летописец рассказал. Вчера в лавке феера за сущие копейки продала новичку большой набор светящихся красок для тела. Прошлой ночью домовичи, обладающий врожденной способностью проникать в любую комнату того места, каковое считает домом, навестил всех парней-летописцев с первого по пятый курс и расписал их «под хохлому». Хорошо еще пареньку хватило ума послушаться предостережения Хага не посещать комнаты девушек. А то одним помятым ухом он бы не отделался. Ну что сказать, то ли у юного живописца оказался врожденный талант к натальной росписи, то ли столь выдающееся отсутствие такового, однако первая же жертва, пробудившаяся среди ночи из-за неотложного дела и свидетелем с зеркалом в кабинете задумчивости, огласила общежитие громким воплем. К одиночному крику очень скоро присоединились другие. Через несколько минут в Лапе у летописцев, как в мужской, так и в девичьей части общежития, спал только глухой.

По итогам ночных развлечений было признано, что напугать и поразить лопаухий паразит смог многих, за что получил признание масс и в ухо от самого пораженного. Декан летописцев, мастер Ротамир, поднятый среди ночи с постели, оптом оценил ночной беспорядок и талант живописца в цикладу мытья лестниц в Башне Судеб. Вот и печалился паренек о несправедливости мироустройства: все загаданное исполнил, и ему же за это попало.

– Бедолага! – посочувствовала Яна домовичи и сунула в руку прихваченный с ужина пирожок.

– Наплюй на всех! Лестницы мыть несложно. Считай отработку не наказанием, а признанием твоего успеха! Подрастешь и такую им шутку учинишь да так напугаешь, чтоб никто тебя поймать не смог! – по-своему утешил первокурсника Машъелис.

– Полы я мыть умею, а что другое... Из того, чему здешние обучены, не умею толком почитай и ничего, нашему роду то не надобно было, вот в памяти и нету, – вздохнул домовичи, откусил от пирожка и снова машинально потер ухо. Оно уже не болело, но служило живым напоминанием недавнего не то триумфа, не то фиаско.

– Какие твои годы! – легонько хлопнул малыша по плечу Хаг. – Пять лет впереди! Выучишься! Зато потом каждый потомок сразу летописцем будет, коль склонность в душе найдется.

Янка поддакнула и заботливо вложила в свободную руку лопаухого Ясека еще один

пирожок. Утешив молодое поколение, девушка еще разок подробно объяснила пареньку, где именно и как ему надо отрабатывать наказание. Распрошавшись с домовичи, третьекурсники двинулись в общежитие. По дороге Донская растеряннo уточнила:

– Хаг, а почему ты Ясеку сказал, что его потомки летописцами будут? Это заранее известно?

– Так он же домовичи! Память от деда к отцу, от него к сыну и далее передается. Что старший знает, то и младшим ведомо будет. Понятное дело, не сразу, чтобы не свихнулись, а как подрастут и в копилку знаний заглядывать научатся, – пожал плечами тролль, поясняя само собой разумеющийся для него факт.

– Здорово, – искренне позавидовала уникальной расовой особенности Донская, она не отказалась бы от такого бонуса. – У людей по наследству только склонность к какому-нибудь делу или талант передаваться могут, да и то не факт. Болезни чаще. Вот папа мой красиво рисует, а у меня, сами знаете, какие кракозябры выходят, стоит карандаш в руки взять.

– Каждому свое, – провозгласил Машъелис, когда отсмеялся над забавным словечком «кракозябры» и, принявшись привычно покусывать еще сочную зеленую травинку, заметил: – У нас в АПП вообще бесталанных неучей нет, если кто сюда угодил, значит, Судьба достойным сочла и привела.

– То есть ты хочешь сказать, что в академию поступают лишь те, у кого есть не только способности летописца, пророка или блюстителя, а еще и какое-никакое образование? – переварила и перевела для себя девушка, следя за очередным акробатическим номером, который откалывал живчик-дракончик. Сейчас он промчался по тоненькому бордюру, как по бульвару, прошелся на руках по спинке скамьи, сделал пару сальто и снова побежал по поребрику к друзьям.

– Именно, – пожал плечами Лис, не видя повода обсуждать очевидное. – Зачем время на ерунду тратить?

Яна вынужденно согласилась. В программе Академии пророчеств и предсказаний не было никакой общеобразовательной ерунды, вставляемой для «расширения кругозора и повышения культуры личности». Все знания, даже казавшиеся на первый взгляд головоломкой-издевательством, являлись необходимыми в настоящей и будущей работе с пророчествами, а не нужными для того, чтобы пригодиться где-то и когда-то, как знак интеграла из проволоки для вылавливания связки ключей из унитаза.

– Хм, а если к АПП придет талантливый неуч, он поступить не сможет? – задумалась вслух Донская, машинально поймав по пути слетевший с ветки дерева желтый листик.

– Если есть дар, Силы сами направят по нужной дороге сначала за знаниями и, коль нужные обретет, в свой черед к вратам АПП, – степенно ответил Хагорсон. – Если имеются желание и цель, Судьба приведет.

Парни уже привыкли к некоторой вопиющей безграмотности подруги в подобных вопросах бытия. Проживание в техническом мире плохо способствовало сохранению веры в чудеса.

Яна только кивнула и спорить не стала. После лекций Ясмера и общения с другими студентами девушка начала понемногу привыкать к здешней спокойной, нет, даже не вере – спокойному знанию о «тех, кто там, наверху». Для себя она рассудила, что, наверное, не так уж и плохо, когда знаешь – есть те, которые приглядывают за жизнью, пусть не твоей, а миров, и, коль обратишься с просьбой, помогут. Пусть порой совсем не так, как хотел бы ты сам, но, может, и лучше, чем сам хотел. Из-за деревьев-то лес не всегда виден...

В комнате землянка переобулась, добрела до кровати, сбросила тапки и со стоном рухнула на постель. Полежала несколько секунд в виде растекшегося желе. Сил двигаться, думать, ходить не было. Вообще ничего не хотелось!

– Устала? – сочувственно спросила Иоле, присаживаясь рядом.

– Не то слово, подруга! Чувствую себя так, что лучше бы меня убили, – пожаловалась девушка и коротко поведала подруге о сегодняшнем учении-мучении.

Латте изумленно ойкала и цокала языком, а потом и вовсе удивленно призналась, качая полосатой головкой:

– Нас так не гоняли и сейчас не гоняют!

– Вот и мне казалось, что ничего такого ты не рассказывала. Правда, поначалу думала, пугать заранее не хочешь, – согласилась Донская и все-таки заставила себя повернуться на бок и переползти с кровати в кресло. Не потому, что силы нашлись. Лежать с полным пузиком оказалось неудобно. Там что-то сразу принялось бурчать и побулькивать, будто возмущалось вместе с хозяйкой непосильной нагрузкой и требовало выходной.

– Чайку? – предложила соседка, не зная, чем еще помочь подруге, кроме выражения сочувствия.

– А давай, того, с мятой, – согласилась Янка. Ни малейшего желания повторять сегодняшний материал у девушки пока не возникло. И вообще, если внутрь организма сегодня что-то еще и можно было засунуть, то только несколько глотков хорошего чая, но никак не еду и знания.

Насчет чая мысли у команды сошлись. Потому не успела вода согреться, а в комнате у девушек уже стало не то чтобылюдно, скорее немножко ифрингно, тролльно, драконно и эльфно. Словом, пришли все ребята и, разумеется, получили по законной чашке горячего ароматного напитка.

Едва успели пригубить и как раз начали слушать неторопливый рассказ Стефаля на привычную каждому студенту тему «как я провел лето», дополняющийся в случае эльфа словами «с семьей и невестой близ Великого Древа», как в дверь снова постучали.

Иоле, добрая душа, пожалела притомившуюся Янку и открыла сама, впустив декана Гада. Вид дэор имел озадаченно-хмурый. Ежик волос с экзотическим фиолетовым отливом не топорщился задорными иголками, а выглядел потрепанным и немного поникшим. Даже нос-сосиска висел печально и казался длиннее обычного. Кажется, учебные будни замотали не только блюстителей, а еще и их декана. По внешнему виду не скажешь сразу, кого больше.

– Только не говорите, что мы опять в пророчество попали, – вместо «ясного вечера, дорогой декан Гадерикалинерос» ляпнул Машъелис, отстучав ложкой по кромке чашки несколько тактов бравурного марша.

– Могу помолчать, посидеть на диване и попить чая... с вареньем. Заодно проверим, откликнется ли вселенная на ваше желание изменить обстоятельства, – саркастично выдал в ответ мужчина.

– Умеете вы обрадовать, мастер, – пробурчал Хаг, тогда как дракончик ощутимо оживился, подобрался перед прыжком, как рысь, и, кажется, сбросил весь груз дневной усталости.

– Я разносторонне одарен, – невозмутимо поведал студенту дэор Гад.

Янка же, уловив «тонкий» намек, встала и полезла в шкаф за вареньем. На что только не пойдешь ради декана и порции важной информации!

Получив свой чай и земляничное варенье, тот посидел несколько минут, наслаждаясь

хорошим напитком, любимым лакомством и почти благоговейной тишиной. Студенты, затаив дыхание, ждали откровений. Прекратив издеваться над изнывающим от нетерпения Машъелисом и прочими присутствующими, Гад заговорил:

– В этом семестре руководство АПП приняло решение увеличить начальные нагрузки на третьекурсников. Причиной тому слишком большой объем пророчеств, перемещенных в Зал свитков. Чтобы быстрее натаскать вас для работы блюстителей, была скорректирована программа...

«Так вот где собака зарыта!» – обнаружила причину сегодняшнего учебного террора Яна.

– Чего сразу мы-то? – наморщил лоб Хаг. – Вон, четвертый и пятый курсы еще есть.

– При их переходе на третий курс, то есть на уровень студентов, способных к серьезной работе блюстителей, такого количественного возрастания пророчеств не наблюдалось. Руководство полагает, дело в вашей группе, – растолковал декан, вылавливая из варенья сразу три ягодки разом.

– А что там с пророчеством? – не утерпел дракончик.

– А то, – теми же интонациями отозвался декан, проглотил варенье, запил чаем и нехотя процитировал:

Исчезнут до поры судеб важнейшие плетенья,
Что всем основа и опора древних стен,
Нет повода тревоге в том, но зло в твореньи
Мести того, кто яд сберег и преуспел
В искусстве подчиненья...

Коль все исполнится незримым пауком,
Четыре нити в АПП прервутся, чтоб потом
Все спуталось неправильным клубком...

– Понятно, что ничего непонятно. Мы-то тут при чем? – лягнула Яна, у которой аж в голове зашумело от коряво-загадочного стихотворения. Вот хоть бы раз что-то красивое и внятное их команде попало из той прелести, которую однокурсники цитировали! Так нет, очередная хромающая на обе ноги белиберда под названием «всем каюк!».

– При желтом свете из-под вашей двери, Донская, и при том, что вы вот уже третий год «причем» всегда, когда дело касается пророчеств о благополучии АПП, – хмуро поведал Гад, отправил в рот еще ложку варенья и расщедрился на объяснение: – Меня вызвал дежурный. У пророчества, о котором идет речь, не выбран блюститель, оно относится к редкой для академии и почти никогда не изрекаемой нашими пророками категории самореализуемых. То есть реализуемых исключительно через субъектов при минимальном участии блюстителей или вовсе без участия оных. То пророчество, чью печать нечаянно взломали Картен и Максимус на первом курсе, близко подходило к грани самореализуемых, а сегодняшнее ее пересекло. Верный признак того – печать, треснувшая и распавшаяся до выбора блюстителей. Вовремя коснувшись треснувшей печати, я обходил АПП в поиске субъектов и объектов пророчества. Вы – единственные за полчаса блужданий, кто оказался отмечен сиянием. Или, не исключая, единственные, кого я смог заметить. – Очевидно, под «обходил» дэор имел в виду себя и все свои копии, живой цепью прочесывавшие территорию

академии.

– И чего опять мы-то? – неожиданно забухтел Машьелис.

– Сам говорил – любимые игрушки АПП или Судьбы, она нас сама выбирала для себя, как погремушку, – философски напомнил Хагорсон другу его недавнее заявление.

– Я не поняла, – честно призналась девушка. – Нас кто-то захочет убить?

– Очевидно, так, Донская, – подтвердил декан и порадовал друзей. – А потому вплоть до исполнения пророчества я закрываю для вас выход в город. Иоле, тебя запрет не касается. Стефаль, ты ярким сиянием блюстителя не отмечен. Слабый зеленый отблеск списываю на твою принадлежность к команде. Тебе рекомендовать воздержаться от прогулок по Дрейгальту не стану, просто попрошу быть осторожнее.

– Понял, мастер, – послушно кивнул эльф.

– У-у-у, – взвыл возмущенный Лис. – И сколько нам ждать-то? Как у самореализуемых срок исполнения определить?

– Кто-то зачет по «пророчествам и предсказаниям» получил у мастера Сейата за красивые глаза? – не по-хорошему удивился декан, наставив на дракончика ложечку.

– Не-не-не, у Сатаны ничего задарма не получишь, кроме лишней задачки для семинара. Я, конечно, помню совокупность общих признаков, как то: выцветание текста пророчества и степень разрушения остатков печати. Но разве же по ним наверняка скажешь? – Дракончик выжидательно уставился на мудрого дэора.

– Как это ни удивительно, Машьелис, – скупно улыбнулся Гадерикалинерос, опуская ложечку так, словно вкладывал меч в ножны, – вам дали нужные сведения, но не смогли продемонстрировать образец подобного пророчества по той самой причине, что совокупность косвенных признаков, свидетельствующих об исполнении самореализуемого пророчества, фактически уничтожает его как предмет материальный.

– То есть совсем? – недоверчиво приподнял бровки домиком о Либеларо.

– Остаются чистый лист и пыль, годная для производства артефактов и чернил, – скрупулезно уточнил детали Гад.

– Почему же нам этого не сказали? – простодушно удивилась Яна, огорченная важным пробелом в знаниях.

– Насколько я знаю мастера Сейата, потому, что вы об этом не спросили, – с ехидцей усмехнулся декан. – Студенты, не проявившие интереса к предмету, наказываются отсутствием знаний.

Дракончик сердито фыркнул, а остальные блюстители, даже Стефаль, угодивший в категорию «не поинтересовавшийся», устыдились или сделали вид, что устыдились. Мастера в АПП учили на совесть, но бегать за студентами с домкратом для разжимания челюстей, чтобы впихнуть очередную порцию бесценных знаний в упрямо сомкнутый клювик, обязанными себя не считали.

– Я вас предупредил, – опустошив банку с любимым вареньем и допив чай, констатировал декан. – Будьте осмотрительнее, в случае чего вызывайте меня. Знак СУАЗ, надеюсь, все носят в кошельке?

Студенты дружно заверили начальство в наличии знака первой необходимости. Гад довольно хмыкнул и вышел из комнаты.

– Пришел, напугал, гулять запретил и ушел... Люблю я нашего декана, – выдал Машьелис.

– Да ты мазохист, – хмыкнул Хаг.

– Жалко, что гулять запретили, – посетовала Яна, пристрастившаяся за последний год к прогулкам по чистеньким улочкам волшебного города. А уж сколько она всякого разного для маленькой сестренки там накупила и думала еще прикупить с первой стипендии! Те монетки-листки от благодарного мастера Сейата, которыми с напарницей честно поделился Лис, когда Хаг оплеухой пробудил в нем совесть, землянка по совету дракончика положила в банк под выгодный процент и не собиралась трогать до окончания АПП. Стипендию-то платили очень хорошую! С таким запасом только и бродить по лавочкам.

Как любая девушка, Яна любила бродить по магазинам в свое удовольствие, правда, покупала больше подарки друзьям и родным, чем что-то себе. А теперь и по лавкам прогуляться не выйдет. Придется у фееры стипендию тратить или кого-нибудь из девочек просить об одолжении. Ту же Таату, сейчас увлеченно читающую «Повесть о кольце». Хоббитянка, в отличие от Юнины или Ольсы, обожала бродить по магазинчикам и частенько составляла компанию Янке. Да и вкусы у студенток в общем совпадали. В компании со сплетницей Титой землянка делать покупки не любила. Пещерница так отчаянно торговалась за каждый медный листик, что у ее спутниц терпение заканчивалось значительно раньше, чем у Елбаст кураж. И пусть экономия выходила приличная, терпеливо сносить процесс торга Яна была не в силах.

Конечно, хотелось по городу побродить, но безопасность важнее. Мама наверняка предпочтет здоровую старшую дочку, а не пострадавшую из-за собственного упрямства. Янка тихонько вздохнула и вернулась мыслями к общему разговору.

Ничего важного друзья не придумали. Покрутили так и сяк пророчество, процитированное деканом, повывдигали самые нелепые, странные и страшные версии о ядах, мести, пауках реальных и символических, после чего единогласно решили прекратить пустые гадания на кофейной гуще, чтобы самих себя не запутать до смерти. Парни выпили еще чаю, как-то невзначай съели вазу конфет и решили помочь убирать со стола, когда случилась авария. Взявшийся помогать девушкам Хаг столкнулся с преисполненным аналогичным благим порывом Машъелисом. Эльф успел увернуться и в общей куча-мале не поучаствовал. Как обычно бывает в таких случаях, пострадала ни в чем не повинная утварь. Со звоном врезались друг в друга чашки. Та, что потоньше, не пережила аварии и распалась на две аккуратные половинки.

Янка огорченно скривилась. Эта желтая позитивная посуда с изображением пушистого цыпленка ей особенно нравилась. Но чего теперь-то? Осколкам прямая дорога в мусорное ведро!

Так думала девушка, зато дракончик считал иначе. Видя огорчение напарницы, он мигом вручил свою долю грязной посуды Стефалю, схватил две половинки чашки, соединил их и дыхнул.

Чашку окутала радужная дымка. Когда она рассеялась, довольный Лис с поклоном преподнес подруге совершенно целую посудину. Янка покрутила ее, потыкала пальцем, даже ногтем щелкнула по стенке. Фарфор отозвался мелодичным звоном. Чудеса, да и только! Будто не разбивали!

– Здорово! – оценил Хаг. – Это у тебя одно из свойств радужного пламени?

– Ага, соединяет разрушенное, коль на то желание мое есть! – похвастался о Либеларо с довольной улыбкой: друзья оценили, поразились и восхитились! – На каникулах научился. Замок, ясное дело, не восстановлю, но чашку, тарелку или безделицу какую, если все части имеются, – запросто!

– Спасибо! – от души поблагодарила дракончика девушка и осторожно заметила: – Ты нам про каникулы еще ничего не рассказывал.

Только сейчас Янка запоздало удивилась, что болтун Машьелис, в отличие от обыкновенно отмалчивающегося Хага, не поведал друзьям о своих обычных страданиях под гнетом властной бабули, пытающейся найти счастье для внука вопреки желанию одного. Кандидатки «на счастье» отметались Лисом настолько искусно, что у леди Левьерис, кажется, до сих пор сохранились иллюзии по части придиристичности и переборчивости внука и не родилось стойкой уверенности в нежелании о Либеларо-младшего вообще жениться и продолжать славный род радужных драконов. Хотя кто ее знает, эдакую бабушку, может, все она поняла и просто давала любимому внуку возможность погулять.

– Не говорил, – признался Лис, привалившись к стене, и скривился от странной смеси восхищения и ужаса. – Это, Ян, сложно даже пережить, а описать и вовсе почти невозможно. Дядюшке, брату своему, меня бабуля на дрессировку сдала. Тот гонял нещадно, я даже о Теобале и Леоре мечтать порой начинал, чтоб пришли и вырвали из когтей садиста. А еще время у него во владениях такое мудреное, и не скажешь, вечность или миг среди радужных туманов провел, ощущение полностью теряется.

– У драконов, особенно старых, свои отношения с Силами Времени, – с уважительной осторожностью промолвил Стефаль. Он разглядывал юного представителя крайтарских радужных драконов так, словно хотел его если не препарировать, то подробно исследовать и подвергнуть нескольким десяткам тестов для определения новых способностей.

– Так вот почему ты так вымахал и в силе прибавил, – покачал головой Хаг.

– Не всем же радоваться жизни в обществе шестерых братьев-сестричек, – скривился Машьелис, тряхнув локонами. – Нет, я не жалуясь, так надо было, но вспоминать, как меня корежило от волн силы, когда расширялись каналы в большом теле, приноравливаясь к потоку, как до обмороков гонял меня дядюшка Кинтэор из облика в облик, не хочу.

– Значит, не надо! – поспешила успокоить друга Яна, ласково поглаживая по плечу.

– Восьми братьев-сестер, – отвлекшись от уборки посуды, вставил тролль. Он мгновенно понял, насколько неприятно дракончику вспоминать о каникулярной дрессировке, и ловко перевел тему.

– Это как же? – удивилась Иоле, попытавшись подсчитать сестер-братьев тролля и сбившись со счета.

– Близнецы! Парни! – хохотнул, объясняя необъяснимое самым простым образом, серокожий здоровяк. И принялся веселить друзей коротким рассказом о житье-бытье большой семьи вождя, обрадованной громкоголосым и вечно голодным пополнением. В суровом роду троллей звание жены вождя и его детей не освобождало от массы обязанностей, напротив, в дополнение к бытовым навешивало еще и кучу общественных. Так что каникулы у Хагорсона выдались те еще.

Дальше уборка пошла без неловких вопросов и битья посуды. Смысл колотить, коль Лис в два счета все чинит? И друзья разбрелись по комнатам общежития на ночевку.

Глава 4

О последствиях благих порывов

Погруженные в учебную круговерть третьекурсники сами не заметили, как минула первая циклада, со свистом пронеслись выходные и началась вторая учебная восьмидневка со знакомого по второму курсу предмета – «Существа, создания и сущности». Длинное название студенты давно уже сократили до «ССС». Пусть дроу обыкновенно считались родней паукам, мастер Клиог ап Рас больше походила на мудрую змею, потому название-шипение к предмету с легкой руки Лиса прилипло намертво.

Судя по всему, мастер Анита – суровая дроу, и так не отличавшаяся человеколюбием в целом и студентолюбием в частности, тоже вступила в общий преподавательский заговор по усиленной дрессировке блюстителей. Ее предмет нагонял на ребят не только тоску из-за объема поставляемого педантичной преподавательницей материала, а частенько даже ужас из-за подробностей жизни или не-жизни изучаемых разновидностей объектов и щедрой демонстрации наглядного материала. Создания и существа попадались разные. Почти всегда странные на человеческий взгляд, порой забавные. Зато сущности чаще всего оказывались по-настоящему жуткими. Хотя за прошедший год Янка успела как-то притерпеться к этой жуткости до такого состояния, когда перестала пугаться и начала зубрить, опасаясь позабыть особенности страховидл. Может, у мастера на то и был расчет?

Сегодня Анита начала урок с коварного вопроса, почему-то не рассматривавшегося детально на лекциях в прошлом году или не рассматривавшегося в подробностях намеренно. Уж слишком ловко когда-то обошла эту тему дроу, никогда и ничего не делающая просто так.

– Скажите-ка мне, господа студенты, к какой категории в рамках предмета вы относите себя?

– Когда ни демона в лекциях не понимаю, то существо, когда после занятий вчера в Лапу шел, точно созданием себя чувствовал, а с утра вроде как сущностью, – тихохонько пошутил Машъелис.

– Интересная, хоть и бездоказательная точка зрения, – скривила губы в призраке ироничной улыбки мастер. – Есть иные версии?

– Мы вне предложенных курсом категорий, – высказалась умница Ольса, взмахнув пушистыми ресницами.

Юнина, не успевшая опередить подругу с ответом, энергично кивнула в знак согласия.

– Ха, это смотря кто! – хохотнул Картен.

– А мне кажется, мы создания – разум есть, плоть есть, – пожал плечами Еремил.

– Записываем! Разумные создания плоти, наделенные душой, выделяются в особую над-категорию, – скомандовала дроу, одарив голубокожего остряка неодобрительным взглядом. Странно, что на Машъелиса, вылезшего с шуточкой, и Еремила, отвечавшего без дозволения, Анита так не рассердилась. Возможно, дело было в том, как точно и изящно оперировал дракончик понятиями курса и насколько верно рассуждал полукровка-демон.

– Мастер, а как отличить-то? – задал с места вопрос Хаг, морща в серые складки могучий лоб, и машинально почесал жесткие волосы на затылке.

– Что именно вам неясно, Хагорсон? – приподняла тонкую бровь дроу, развернувшись в сторону студента, чем явно продемонстрировала вероятную важность диалога.

– Разумность при минимальной близости способа мышления как-то по поведению определить можно, – пожал плечами задумчивый тролль. – Но как узнать-то, есть душа у создания или нет? Мы не боги, не жрецы, не маги великие и уж тем паче не Силы. Тонкие структуры такого уровня с ходу зреть не обучены.

– Вы блюстители пророчеств, – почти улыбнулась Анита, довольная важным и нужным вопросом. Положив руку на кафедру, дроу продолжила почти торжественно: – Все вы внимали лекциям мастера Ясмера по основам Мироздания и истории Игиды. Коль сейчас вы здесь, а не за воротами академии без браслета студента, значит, ваша суть, ваша душа приняла истину, даже если разум не осознал услышанное в полной мере. Потому, если возникнут сомнения, доверьтесь себе. Слушайте голос Творца в своем сердце и не ошибетесь.

«Словом, нам посоветовали доверять интуиции и сердцу», – решила Янка, чаще всего именно так, сердцем, и реагируя на все события жизни, если требовалась моментальная реакция. Решать мгновенно разумом у неторопливой девушки никогда не получалось.

Потому она сразу невольно задумалась вот о чем: если силаторхи создают для работы фантомы, то те, ориентированные на одну задачу и исчезающие после ее завершения, душой, понятное дело, не обладают. А как быть с двойниками дэора, которые, по сути, есть он сам, только существующий в нескольких экземплярах одновременно? Если Гада одновременно во плоти несколько штук, душа тоже тиражируется как физическая оболочка или она одна на все тела?

– То есть заклинаний или знаков Игиды для определения наличия души не существует. Мы должны руководствоваться исключительно субъективными ощущениями, скорректированными в нас посредством лекций, – перевел тролль, задумчиво морща лоб.

– Именно так, – уточнила важный аспект темы мастер и, четко уловив погруженность землянки в размышления, спросила:

– О чем задумались, студентка Донская? Надеюсь, вас озадачила именно тема, поднятая Хагорсоном?

– А? Да, – немножко смутилась девушка, не заметившая, как невольно привлекла внимание преподавателя. – Я про дэоров думала. Как у них с душой. Она разве делится, когда дэор одновременно в разных местах разными делами занят?

– Хм, интересный вопрос. У этой расы душа особого плетения. Разумеется, она не делится на части, не колбаса, и не дублируется. Она является надстройкой над прочими оболочками, потому при создании подобий никаким трансформациям не подвергается, – быстро дала справку Анита, что-то пометив в своем журнале преподавателя, и одарила Яну на удивление благосклонным взглядом. Кажется, мнение дроу о девушке впервые за все время занятий изменилось в лучшую сторону.

Осветив «душевный» вопрос, лектор вернулась к тонкостям классификации свободно перемещающихся, а потому особо опасных сущностей. Народ застрочил в тетрадах. Диктовала Анита быстро, пугаться, переваривая информацию, времени не оставалось.

Посвящать оба учебных часа теории дроу сегодня не собиралась. В планах сурового мастера, ориентированного на практическое натаскивание студентов, был еще небольшой – как раз на один урок – практикум. Таким образом Анита убивала сразу стаю зайцев: заставляла студентов освежить в памяти подзабытый за каникулы материал, проверяла способность блюстителей ориентироваться и применять на деле теоретические знания,

побуждала к работе над собой по преодолению инстинктивных страхов, а заодно и воспитывала.

С ударом колокола лекция закончилась, дверь в коридор не открылась. Зато мастер Клиог ап Рас исчезла вместе с кафедрой. На этом месте проявилась дверь, ведущая в зал, где шла отработка практики. Хотя как раз залом это помещение назвать было невозможно. Каждый раз оно принимало новый вид, повинаясь целям и планам преподавателя. Причем магически настраивалось оно так, чтобы сразу все команды блюстителей могли выполнять практическое задание, каждый в своем времени и пространстве. Именно по аналогии с артефактным залом по ССС создавалась новая полоса препятствий академии.

Наученные опытом, порой горьким, студенты не стали тратить время на споры, болтовню, попытки взломать дверь и с боем прорваться в коридор. Собрали сумки, разбились на команды в соответствии с выбором шэ-дара и двинулись к двери в зал практикума. Туманная дымка на проеме не давала ни разглядеть, ни расслышать происходящего внутри. Отгадывать, зная причудливую фантазию мастера, тоже было бесполезно.

– Развлечемся? – подмигнул напарникам Машъелис.

Какие бы «ужасные ужасы» ни изобретала дроу, чутье дракончика, оберегающее его от страшных неприятностей и сильно обострившееся после визита в храм Ветров, на ССС всегда молчало. Практику у Аниты он отрабатывал с удовольствием, в отличие, скажем, от многих других блюстителей, не желавших тесно знакомиться с духами, мантикорами, гигантскими пауками кицеларисами и тому подобным, порой очень уж наглядным, экзотическим материалом. Пока по части непереносимости практических Аниты с отрывом лидировали брезгливый Пит и трусихи Тита с Таатой.

Ольса и Юнина, хоть и выглядели тонко-звонкими, чувствительными к малейшему дуновению ветерка барышнями, никогда на занятиях в бесконтрольную панику не впадали. Возможно, дело было не в крепости нервов дриады и эльфийки, а в их куда большей терпимости к иным, непохожим на них самим созданиям, существам и сущностям и готовности понимать других?

Еремил, когда проходили завесу, для страховки крепко держал напарницу Таату за руку, то ли оберегал, то ли предупреждал побег девушки, который вполне могли спровоцировать «сюрпризы от мастера Аниты». Работа в паре приучила Надалика к ответственности и снисхождению с чужим слабостям. Зная сильные и слабые стороны маленькой хоббитянки, напарник учился пользоваться ими. Картен же обыкновенно поступал с Питом куда грубее. В данном случае он банально дал замешкавшемуся напарнику точно выверенного пинка, чтобы летел, да не упал.

Как раз вслед за Росом и воспарившим Цицелиром в дверь вошла и Янкина тройка. Вошла-то тройка, а пришла лишь одна девушка. Куда в процессе делись друзья, оставалось лишь гадать. Самым вероятным ответом был стандартный: мастер приготовила на сегодня индивидуальное задание. Осталось только разобраться с тем, какое именно. Как вариант, с напарниками Яна могла встретиться в процессе выполнения задания при соблюдении каких-то условий.

Первым делом студентка огляделась, пытаясь сориентироваться. Место, где она очутилась, было каким-то строением. Судя по стропилам наверху и скошенной крыше – чердаком. Пыльным, полутемным, загроможденным всяким хламом, который копился даже не годами – десятилетиями, потому что выбросить не поднималась рука. У Янкиной семьи

такая же, только чуть менее пыльная, свалка имела в сарае и в откосах на втором этаже дачного дома.

Снаружи, если судить по узкому лучику, просочившемуся через полукруг маленького оконца чердака где-то наверху, царил день. Птичий щебет и чуть слышный шелест листвы деревьев действовали на Яну успокаивающе.

Все еще не понимая, зачем ее сюда отправили и с каким созданием, существом или сущностью предстоит встретиться, девушка начала осторожно пробираться через завалы хлама к чердачному люку. Не следовало с ходу отметить вариант с длительным поиском объекта где-то внизу или вообще вне дома. Сам спуск вниз по задумке дроу вполне мог оказаться чем-то вроде очередной полосы препятствий.

Вдруг помимо чириканья и шелеста до ушей Янки донесся тихий безнадежный плач. Так горько и искренне могут плакать лишь дети, делясь своей обидой со всем миром разом.

Девушка резко повернула влево. Там, в дальнем углу чердака, громоздился большой старый комод с надстроенными полками, в котором отсутствовала половина ящиков, а из уцелевших трех как следует был вставлен лишь один, остальные перекосились и разошлись.

За этим монстром столярного промысла и раздавался плач. Янка решительно, не обращая внимания на отбитые до синяков в борьбе с препятствиями ноги, полезла в угол. Сжавшись в комочек, за комодом сидел мальчонка лет четырех. Он и рыдал, размазывая кулачками слезы по лицу.

– Ты чего плачешь, кроха? – вырвалось у сердобольной девушки.

– Никто не хочет со мной играть! – совершенно как маленькая соседка Галинка, пожаловался малыш, хлопнув носом.

– Давай играть! – тут же привычно отреагировала Донская.

– Давай! – подскочил с места малыш и тут же вновь надулся, надув губенки бантиком. – Только мои игрушки в ящике, не могу открыть!

– Сейчас все достанем, – пообещала Янка и вступила в неравный бой с мебелью. Ничего удивительного, что мальчику не удалось справиться с тяжеленным ящиком. Землянка и сама сумела открыть его лишь с третьей попытки, рванув за ручку.

Ящик выдвинулся, демонстрируя детские сокровища: медвежонка без одного глаза, зайку с оторванной лапкой, тряпичный мячик, деревянную пирамидку с облупившейся краской, кубики, кем-то попробованные на зубок. Малыш издал восторженный писк.

– Во что будем играть? – деловито уточнила Яна.

– Во все! – категорично объявил мальчик.

И они поиграли во все – во все один раз, потом другой, потом третий. Энтузиазм ребенка, переключавшегося с одной игрушки на другую, никак не утихал. Яна немного устала, но терпела и изображала то трусливого зайку, то лезущего за медом косолапого, спасающего нос от пчел, затем строила башенку... В общем, чего только она не делала, потеряв счет времени, как вдруг ее маленький товарищ по играм замер, светло улыбнулся и, шепнув: «Спасибо, тетя!» – рассыпался искрами.

В следующую секунду Яна уже стояла в пустом зале практикума – том самом помещении, где творились иллюзорные пространства для тренировок. Анита сидела за рабочим столом, изредка поглядывала на что-то и делала пометки в своем журнале. Вернее, она делала их до появления землянки, а едва та материализовалась, покачала головой с некоторой озадаченностью, закрыла книжечку, встала и хлопнула в ладоши.

От этого сигнала в зале дезориентированной толпой появились все третьекурсники-

блустители, буквально выдернутые в реальный мир в разгар выполнения задания.

– Мастер, что случилось? Я еще призрак не развеял! Почему он исчез?! – возмущенно взвыл Картен, поцарапанный и подожженный местами, основная часть которых концентрировалась в нижней задней части формы.

Его голосу вразнобой вторили и другие студенты со схожими претензиями и в разной степени потрепанным видом.

– Можете поблагодарить студентку Донскую за окончательное упокоение призрака. Она исполнила предсмертную волю и тем самым провела не временное, а окончательное развеивание, – сухо проинформировала учеников дроу.

– Ух, Ян, как ты это сделала? – тут же пристал к напарнице с вопросом Машъелис.

– Мы только поиграли с мальчиком, – растерянно ответила невольная творительница несвоевременно-доброго дела.

Что она играет не с человеком, Яна все-таки сообразила. Пусть далеко не сразу, а примерно к середине процесса игры, когда поняла, откуда сквозит холодком. Но поднять руку и обидеть несчастного ребенка, пусть он даже не живой и не дух, а всего лишь призрак или привидение, не смогла. Решила для себя: пусть уж лучше она не получит зачет у мастера. Пересдать проще, чем мучить малыша.

– Далеко не всегда для развеивания сущности требуются строгие рамки ритуала. Порой достаточно исполнить желание, условие-ключ, размыкающий наложенные оковы. Мы с вами об этом уже беседовали, – напомнила студентам Анита.

– Мастер, у нас у всех призрак исчез, потому что он был отражением одного призрака в разных вариантах смоделированной вами реальности? – озадаченно уточнил Кайрай.

– Именно, – коротко подтвердила Анита, не слишком довольная уничтожением ценного наглядного пособия и в то же время высоко оценившая точность способа, избранного студенткой для избавления от призрака.

– Ой, – запоздало взвизгнула Таата, подпрыгнув на месте, как мячик. – Так он был настоящим?

– Разумеется. Что вас так удивляет, студентка? Я еще на первых занятиях говорила о своем намерении использовать как иллюзии, так и настоящих существ, созданий и сущностей для ваших тренировок. – Анита приподняла бровь, изогнув ее в удивительном подобии лежачего вопросительного знака.

Хоббитянка смутилась и что-то пробормотала себе под нос. Не сообщать же ей учителю о своих страхах, которых до сих пор было поменьше из-за наивной уверенности в иллюзорности предлагаемых образцов. Из-за этого девушка чувствовала себя поспокойнее, пусть порой и доставляла Еремилу проблемы приступами паники. Сегодня наивной вере Тааты пришел конец, а полудемону в перспективе прибавилось проблем с фобиями напарницы.

– Часто мы с настоящим материалом работаем? – Не страхом, азартом загорелись желтые глаза Авзугара.

– Тогда, когда я считаю это необходимым, – сухо проинформировала блустителей Анита, по сути, не сказав ничего. – Сейчас же, увы, придется воспользоваться иллюзией. Всем, кроме Донской. Она практическую часть задания выполнила, потому мы с Яной побеседуем о более стандартных способах развеивания призраков и привидений, известных студентке.

Вот в эту секунду, пожалуй, бедная Яна испугалась сильнее, чем за все время занятия.

Но делать нечего, пришлось напрягать извилины и вспоминать, благо старым конспектом Анита великодушно позволила воспользоваться. Способов-то было немало, разве все упомнишь после каникул?

Каким образом мастер, внимательно слушая ее, одновременно умудрялась контролировать процесс прохождения практики каждым студентом, Янка сообразить не смогла. Однако готова была ручаться, что дроу за всем следит и все подмечает. Наверное, тут применялись сложные артефакты и личные таланты преподавателя. Может, она, как паук, раскидывала на студентов какую-нибудь незримую сеть и по дрожанию паутинок отслеживала ход занятия?

Счастье в жизни есть! Ни один урок не длится вечность! Удар колокола освободил студентку из сети вопросов. В аудитории, куда вышла отпущенная с миром и благосклонным кивком Янка, как раз появлялись однокурсники – все и одновременно. Впрочем, как всегда. Анита ценила свое и чужое время, но была сторонницей дисциплины, из ее кабинета студенты выходили только после сигнала колокола, дабы не множить без нужды доли хаоса на территории академии.

За ССС снова следовали физкультура и «горячо любимая» полоса препятствий, существенно усложнившаяся со времени первого курса. Пожалуй, Цицелиру повезло со сменой прически, если бы не коса, он бы точно пожег и подрал великолепные синие волосы подчистую. Дриада Ольса вот, поскольку никому войны не объявляла и вообще числилась пацифисткой, приспособилась, не заплетая косы, заворачивать свою густую шевелюру в хитрый пучок с деревянными шпильками, чтобы не мешала занятиям. Яна и сама делала что-то похожее, только из косы. Длинные шпильки и заколки для закрепления волос еще в прошлом году были куплены в лавке у доброй фееры, к которой студентка пришла с проблемой, умаявшись мыть и распутывать кудряшки, ставшие жертвой интенсивных занятий спортом.

После полосы препятствий студиясы, разукрашенные сажеей, грязью и болотной тиной, со стонами и причитаниями (если на это еще хватало сил) заползали в раздевалки. Янка плюхнулась на лавку и, развязывая шнурки, простонала:

– Полцарства за бутылку воды!

– Ой, а у меня есть с собой! Не бутылка, а фляжка из тыквы-невелички! Их специально не для еды, для хранения воды растят! Хочешь попить? – добродушно улыбаясь и пыхтя, Таата залезла в сумку и вытащила миленькую бутылочку. Желтовато-прозрачную, будто стеклянную, но на ощупь теплую и невероятно легкую.

– А сама? – засовестилась Янка.

– Пей, я после, – до ямочек на щечках заулыбалась щедрая хоббитянка и вынула пробку из горлышка.

– Спасибо, – выдохнула Донская, вот только взять предложенную бутылку не успела. В раздевалку ввалились Юнина и измочаленная Ириаль, которую за какие-то огрехи в прохождении полосы отчитывала Леора.

– Вода? Кстати! – рыкнула вампирша, выхватила бутылочку из короткой лапки однокурсницы и жадно присосалась.

Таата и Янка переглянулись и синхронно покачали головами. Вырывать тару из когтистых пальцев скандалистки девушки не стали. В конце концов, можно и из-под крана напиться. Вообще-то Ириаль по сравнению с первым курсом стала вести себя помягче, но до высокого статуса «любезной девушки» ей еще было как до Луны пешком. А уж когда

вампириша испытывала какую-то физическую нужду, становилась совершенно невыносимой. Наверное, срабатывали глубинные инстинкты, сметающие налет цивилизованной благовоспитанности ради единственной цели – выживания.

– Шойтарэль, ты грубиянка! – негодуяще потрясая кудряшками, сердито запыхтела Тита.

– Тебя не спросили, – оторвавшись от тыквочки, хмыкнула Ириаль и небрежно всучила опустевшую фляжку Таате. Почти тут же вампириша захрипела, с ее губ сорвались хлопья черной пены.

Возмущенная Тита, приоткрывшая ротик для нового упрека, завопила неожиданно тонко, почти на уровне ультразвука, да так пронзительно, что уши заложило у всех. В раздевалку, едва не выбив дверь, ворвалась Леора, готовая к драке с неведомым противником.

И пусть такового не нашлось, горгона все равно в доли секунды обнаружила причину вопля и среагировала моментально. Одним прыжком она оказалась перед медленно клонящейся на бок Шойтарэль и впилась в девушку взглядом. На пол рухнула уже хорошо парализованная, абсолютно нечувствительная к боли тушка с полностью остановленными физиологическими процессами.

Янка тем временем нашарила в кошельке пластинку со знаком СУАЗ, надломив ее, вызывая декана, и, чувствуя себя гонцом, приносящим дурные вести, оперативно доложила:

– У Шойтарэль черная пена изо рта.

Гад прибыл практически мгновенно, да не один, а в компании с мастером Лесариусом и его знаменитым молоточком. Леора только успела скомандовать ринувшимся было к однокурснице девушкам:

– Не трогать!

– Вот-вот, девоньки, не следует этого делать, – добродушно согласился старенький целитель и одобрительно поцокал языком, оценивая оперативность действий мастера Леоры. – Вовремя вы ее обездвигили, дорогая. Черное безумие опасная штука и действует почти мгновенно. Но теперь-то мы успеем и противоядие приготовить, и влить. Яд-то девочка где взяла? – Лекарь окинул внимательным взглядом студенток, замерших так, будто и на них подействовал вводящий в оцепенение взор горгоны.

– Донская? – потребовал от землянки ответа Гад.

– Я пить хотела, Таата мне свою фляжку с водой предложила, а Ириаль вырвала ее из рук и сама всю выдула, а потом вот... – Яна развела руками, кивком головы указывая на черную пену, хлопьями повисшую на губах вампириши. – Получается, она нас спасла.

– Да уж, – помрачнел декан, изымая из сведенных судорогой пальцев правой руки хоббитянки замечательную пустотелую тыкву, а из левой – пробку. Дэор осторожно, внимательнейшим образом осмотрел и обнюхал емкость и затычку. Покачал головой и заткнул пустую бутылочку пробкой.

– Оно? – уточнил Лесариус, принимая фляжку и тоже внимательно ее изучая.

– Оно, – согласился Гад, постучав пальцем по пробке.

Кому как не ему, представителю расы знатоков, изготовителей и изобретателей ядов, определять источник отравы! Мертвенно-бледная, без обычного живого румянца во всю щеку, Таата взирала на свою фляжечку в руках лекаря как на смертельно опасную тварь.

– Вы исцелите Ириаль? – жалобно всхлипнула Юнина, утирая крупные слезы, без остановки катящиеся из прекрасных глаз.

– Разумеется, Ройзетсильм, утрите лицо, развели тут сырость. Как уже было сказано, приготовление противоядия займет некоторое время, но оно у нас есть, – успокоил всех девушек и эльфийку Гадерикалинерос, поднимая парализованную студентку с пола. Ему, иммунному к большинству ядов, прямой контакт с пострадавшей ничем не грозил.

Покачивая головой, старичок-молоток полез в мешочек на поясе, пошуршал, позвенел свободной рукой и достал... нет, не еще один молоток, а маленький пузырек с изумрудно-зеленым содержимым. Вручил Леоре с наказом:

– Вот, голубушка, девонькам по три капли на язык, чтоб нервишки подлечить. Сердечко-то смолоду беречь надо!

– Голвин, Донская, после уроков в мой кабинет в общежитии, – напоследок бросил дэор, исчезая в портале, открытом мастером Лесариусом. Фляжку лекарь прихватил с собой, то ли в качестве вещественного доказательства, то ли как особо опасную тару из-под отравы, чтобы до нее случайно чьи-нибудь не в меру загребушие студенческие ручки не добрались!

Проводить опрос на предмет выявления особенно переволновавшихся и нуждающихся в лечении свидетельниц трагического происшествия горгона не стала. Недолго думая построила пятерку студенток, велела раскрыть рты и накапала на язык каждой по три капли тягучей зеленой сладости. Затем скомандовала:

– Принимайте душ и переодевайтесь, девушки! А не то на следующее занятие опоздаете! И поторопитесь, боюсь, мастер Теобаль не сможет долго удерживать кавалеров, рвущихся вам на помощь. Я немного успокою парней, но пока они вас не увидят живыми и невредимыми, не угомонятся.

За дверью и впрямь слышались встревоженные голоса. Так что решение горгоны оказалось весьма своевременным – похоже, авторитета эльфа-физкультурника едва-едва хватало на то, чтобы ребята не начали штурмовать женскую раздевалку.

Пришлось девчатам нестройным хором покричать однокурсникам, что все живы и учителя уже со всем справились, а дверь ломать не надо, они не одеты. После этого заявления группа спасителей, готовая идти на штурм помещения, откатилась и затихла.

Оставшиеся впятером полураздетые, шокированные происшедшим девушки растерянно переглянулись. А Янка посмотрела на слетевший с ноги Ириаль спортивный тапочек, сиротливо забившийся в угол раздевалки, и невольно вздрогнула. На обуви запеклось несколько хлопьев черной пены, а благородно-коричневая кожа под этой коркой успела приобрести противный грязно-бордовый оттенок.

«Не везет Ириаль с обувью – то совсем развалится, то каблук сломается, теперь вот цвет изменила. Рок какой-то!» – мелькнула в опустевшей голове глупая мысль.

Но и ее прогнал панический писк Тааты:

– Ой, это что выходит, у меня во фляге яд был? Девочки, честное слово, я только обычную воду туда наливала! Никого отродясь не травила, только крыс в подвале, чтобы колбасы не лопали.

– Что ты, Таата, никто тебя ни в чем не подозревает, – мягко промолвила Ольса.

– Ты же сама, как и Янка, из фляжки чуть не выпила, – содрогнувшись всем крепко сбитым телом, поддержала дриаду пещерница.

– Хорошо, что не выпили. Ириаль все-таки вампирша, у нее стойкость к ядам высокая, а если бы вы, девочки, хлебнули, Леора могла бы и не успеть. – Голос Юнины предательски зазвенел, истончаясь струной, и сорвался. Тонкие пальчики на миг прикрыли лицо.

– Декан во всем разберется, – уверенно пообещала Янка. Ее и саму почти мутило от

озвученных однокурсницами мыслей и сознания того, что предсказание о враге и ядах начало сбываться так скоро и так страшно. – Пошли лучше в душ, а то на лекарское дело в теплицы опоздаем. Только Леоре надо тапок Ириаль отдать. Как бы за него случайно кто не схватился.

Шустрая Тита тут же высунулась из-за двери и кликнула преподавателя. Благо парни уже успели уйти в свою раздевалку и из-за гомона слов девушки не расслышали. Опасная обувка со всеми предосторожностями была конфискована. Девушки, конечно, не успокоились до конца, однако лекарство Лесариуса и напоминание о занятиях помогли им вернуться к реальности. Так что из раздевалки третьекурсницы вышли пусть с небольшим опозданием, но в относительно вменяемом состоянии. Поджидающие парни тут же взяли их в оборот и потребовали детального отчета на тему: «Куда делась Ириаль? Зачем вопили? И вообще, что происходит?»

Вот тут-то и настал звездный час Елбаст. По дороге в теплицы пещерница поведала о происшествии в таких подробностях, каковые Донская, к примеру, и не запомнила бы, описала бы происшествие в трех предложениях: «Ириаль выпила воду из фляжки Тааты. Отравилась. Мастера ее спасли и забрали лечить».

По счастью, до мастерства знаменитого писателя Кинга девушке было далеко, и никого запугать или даже напугать Тите не удалось. Чего только не навидались студенты-блестители в АПП за два года, каких только историй не наслушались, но главное усвоили твердо: в стенах академии они в полной безопасности от всего, кроме недовольства мастеров, обрушивающегося на головы лентяев.

Лис, Хаг и Янка, слушая пещерницу, обменялись понимающими настороженными взглядами. Обсуждать, относится ли происшествие с вампиршей к опасностям, о которых предостерегало пророчество, рядом с однокурсниками напарники не решились, но все и так казалось очевидным. Относится.

Глава 5

Помощь Дзора

Оставшееся до визита в кабинет к декану время прошло как в тумане. Безоговорочно веря в могущество Гада, о благополучии Ириаль студенты почти не волновались, однако сама история с отравой их определенно заинтриговала. Испуганную Таату буквально засыпали вопросами. В злой умысел хоббитянки студенты, разумеется, абсолютно не верили. Отравить кого бы то ни было крупнее и разумнее грызуна, покушающегося на семейные запасы колбасы, добрая девушка была совершенно неспособна, так же как и злословить или плести интриги. Вот и расспрашивали хоббитянку после рассказа Титы, стараясь понять, как получилось то, что получилось. Увы, ничего не поняли.

Девушка купила фляжку в небольшой лавочке с забавной вывеской «Разные разности» близ площади у академии. Там продавалось много всякой утвари и нужных поделок из растений: фляжки, плошки, чашки, ложки, коврики и прочее, и прочее. Экономная Таата частенько заходила в «Разности» просто поглазеть и что-нибудь прикупить для дома, для семьи, лично для себя. Зашла и сразу после каникул. На этот раз бутылку из тыковки приобрела. Воду в нее наливала самую обычную, из-под крана. Никакой хлоркой или иными ядами воду в Дрейгальте не травили, и все, в том числе студенты АПП, пили, заваривали чай и готовили исключительно на такой воде. Сама Таата из фляжки ни разу не пила. Не успела, к счастью. Потому не догадывалась, каким образом и когда в емкость попал яд.

К декану в кабинет Янка с Таатой пришли, как и было велено, после занятий, но до ужина. Напарники девушек – Еремил, Хаг и Лис – остались караулить под дверью. К Ириаль в лекарский корпус Надалик уже пытался прорваться на одной из перемен, но влюбленного студента к отравленной не пустили. Сказали только, что жизни Шойтарэль ничего не угрожает, она спит, и отправили восвояси. Упрямый парень временно отступил, но собирался вечером снова наведаться к лекарям и взять их измором, добиваясь права на посещение. А пока Еремил составил компанию угодившей в переплет напарнице.

Декан что-то писал за столом, однако при появлении третьекурсниц отложил работу и, предложив парочке присесть на диван, опустился в кресло рядом. Первым делом Гад успокоил Таату:

– Ириаль дали противоядие, сейчас она спит, к утру будет полностью здорова и сможет вернуться к занятиям.

Вздых облегчения вырвался из груди пухленькой хоббитянки, щечки забавно надулись и опали.

– Есть мысли о том, как в твоей фляжке оказался яд? – перешел к неприятным вопросам декан, и девушка снова повторила историю с покупкой фляжки, где не фигурировало ничего и никого подозрительного.

– Что ж, понятно, – привычно потер длинный нос дзор и спросил неожиданно: – Ты любишь нимский перец?

– А что это? – простодушно спросила Таата. – Я в здешних приправах плохо разбираюсь. Обычный перец вот не люблю, шибко он жжется и чихать хочется, другое дело горчичка, если с жареными колбасками, да под кружечку эля...

– Я понял, – терпеливо выслушав гастрономический спич, мрачно согласился декан.

Вслед за этим он сунул руку в сумочку, извлек из нее листик Игиды с незнакомым Яне символом и сломал его. Таату окатило фиолетовой с зелеными искорками пылью, и девушка замерла неподвижно, почти как Ириаль от взгляда горгоны Леоры.

– Не волнуйся, это ей не повредит, – проинформировал Янку мастер.

– И так ясно, – пожала плечами землянка, сцепив пальцы в замок на коленях. – Я только не понимаю, что и зачем вы делаете, но вы ведь объясните. И зачем я вам тут нужна? Это из-за пророчества?

– В том числе. А также как свидетельница магического допроса. Привлекать кого-то другого, не посвященного в пророчество, не считаю целесообразным. Видишь ли, мы установили, как яд попал в воду. Его нанесли на пробку. Чтобы вода стала отравой, достаточно было разок встряхнуть фляжку, – тихо объяснил Гадерикалинерос.

– Таата не стала бы никого травить! – убежденно высказалась землянка. – Мы все так думаем!

– Конечно, – просто согласился мужчина, внимательно обследуя, оглядывая, чуть ли не обнюхивая, ай, нет, в самом деле обнюхивая маленькую хоббитянку. – Теперь подожди минутку, мне нужно провести проверку.

Дэор вынул из нагрудного кармана и поднес ко рту неподвижной Тааты маленькое прямоугольное зеркальце ярко-желтого цвета. Подержав безделицу несколько секунд, Гад хмыкнул, бормотнул себе под нос:

– Именно этого и стоило ожидать.

Развернув зеркальце в сторону Янки, декан показал ей отвратительные багровые разводы, выступившие на приятной желтизне пластины.

– Видишь ли, Яна, я не зря расспрашивал Таату про приправы. Запах перца, неосязаемый для обычных людей, свидетельствовал либо о пристрастии девушки к пище со специями, либо о том, что она подверглась магическому воздействию определенного рода.

Яна внимала декану в полном молчании и по-прежнему ничего не понимала. Впрочем, это было частым состоянием девушки на лекциях. Дэор покосился на студентку и исправился:

– Голвин дали один редкий яд. Нет, не пугайся, для организма он безвреден, влияет лишь на память и действия отравленного. Чтобы разобраться в происшедшем, я активировал один из сильнейших знаков Игиды – ТОРАН, знак транса для прояснения сознания. Теперь девушка сама поведаст нам обо всем.

– Таата, расскажи, что случилось в лавке, когда ты покупала фляжку, водой из которой отравилась Ириаль Шойтарэль, – попросил Гад.

– Я рассматривала товары. Люблю подолгу рассматривать разные разности у дядюшки Гриха. Дядюшка меня знает, даже чайку попить уходит иной раз, а как выберу что-то, его зову. Я перебирала вещицы, и тут меня что-то в руку над локтем кольнуло, потом голос раздался, – начала отчитываться девушка каким-то равнодушным голосом, будто не о себе рассказывала, а учебник читала. – Меня спрашивали про то, где в АПП учусь, точно ли на третьем курсе блюстителей. Расспрашивали про всех в группе, особенно интересовались, учатся ли со мной Машьелис, Хаг и Яна. Потом велели купить фляжку, которую дали в руки, набрать в нее воды и напоить кого-нибудь из троих, а лучше всех разом. Никого другого не поить и не пить самой до тех пор, пока эти трое не попьют. А когда все сказано было, фляжку в руки всунули, велели забыть о разговоре и выполнять приказ.

– Ты видела того, кто отдавал приказ? Можешь его описать? – быстро бросил вопрос

Гад.

– Нет, не видела, по голосу непонятно было, мужчина или женщина говорит, – по-прежнему безразлично ответила хоббитянка и замолчала, как говорящая игрушка, у которой кончился завод.

– Это паук из пророчества? – тяжело вздохнула Яна, заменяя вопросом рвущийся из груди вопль: «Опять!»

Все-таки одно дело блюсти пророчества, являясь по жребию в Зал порталов наравне с другими студентами – это было почти здорово, беспокоил только груз ответственности и тщательно скрывааемый даже от своих напарников страх непоправимой ошибки. Но с Янкиной тайной опаской играючи справлялись непробиваемое спокойствие Хагорсона и веселый задор Машьелиса. Девушка не раз мысленно благодарила судьбу за таких друзей. С ними, как верилось Янке, одолеть можно практически все! Так вот, одно дело – пророчества по жребию, на присмотр за исполнением которых отводился краткий период времени в иных мирах, и совсем другое – пророчества об угрозах АПП и непосредственно близким. Такое Яне не нравилось совершенно. За друзей было страшно. Беда пришла в академию, которую Донская уже привыкла считать своим вторым домом. Сегодня чуть не отравили ее саму и по-настоящему опоили ядом Ириаль. Но ведь с таким же успехом могли угостить Хага или Лиса!

Отвечая на вопрос студентки о пауке, Гад лишь кивнул. Он был слишком занят – осматривал руку Тааты, закатав рукав форменной блузки. Яна тоже вгляделась в загорелое, усыпанное родинками плечо однокурсницы. Кажется, среди черненьких и коричневых меток имелаась одна красноватая. Или так только показалось? Нет, дэор задумчиво коснулся пальцем именно этой точки, прежде чем вернуть одежду девушки на место.

– И что нам делать? Ждать, пока кто-то другой угостит нас порцией более действенного яда? – взволнованно спросила землянка.

– Отнюдь, – возразил декан. – Давай я отпущу Голвин, а ты пригласи своих напарников. Уверен, ребята ждут известий.

– А что вы Таате скажете? Она ж себя поедом съест за фляжку с ядом! – нахмурилась Яна, озаботившись душевным состоянием приятельницы.

– Скажу, что произошла чудовищная ошибка. Вместо пробки для водной фляги ей попалась пробка для фляги с крысиным ядом. Конкуренты постарались или шkodливый ребенок – племянник мастера, перепутавший заготовки, – в этом мы еще разберемся. А мастера Гриха я предупрежу, – озвучил официальную версию случившегося дэор и стал приводить девушку в чувство.

Очередная пластинка листа Игиды подарила Таате новый душ из снимающих транс искр. Яна уже выходила, но успела услышать, как декан благодарит девушку за беседу. В коридоре рядом с дверью скучали лишь Еремил и Хаг. Звонкий голос Машьелиса доносился со стороны общего зала. Кажется, подросший дракончик, по-павлиньи распушив хвост, очаровывал сразу нескольких старшекурсниц. Если судить по довольному смеху девиц, о Либеларо действовал вполне успешно.

– Таата сейчас выйдет, – утешила Еремилу землянка и обратилась к Хагу: – А нас с Лисом зовут. Я пойду его кликну.

Развалившийся на диване в окружении трех красоток Машьелис травил байки. Девицы хихикали и стрекотали, то и дело тянулись, чтобы коснуться руки или мягкого локон красавчика-дракончика, превратившегося за лето из невзрачного худосочного ягненка в

такого обаятельного симпатягу.

– Лис, к декану, – коротко позвала Янка, с теплой улыбкой наблюдая, как выпутывается из женских силков довольный успехом у дам напарник.

– Иду, увы, прекраснейшие, долг зовет, – подскочил о Либеларо, подхватил Янку под локоток и поволок по коридору.

– Не боишься, что жениться придется на самой очарованной или на трех сразу? – шутиливо подколола девушка свежеиспеченного Казанову.

– Не-а, – беспечно отмахнулся дракончик. – Ты же меня защитишь! – и потряс в воздухе рукой с браслетом – знаком помолвки, заключенной в храме Ветров.

– Смотри, доиграешься, – покачала головой Янка, но читать мораль не стала, просто развернулась и пошла к кабинету. Лис догнал напарницу в два коротких прыжка.

Еремил и Таата, успокоенная мастером, из коридора уже исчезли. Хаг стоял около двери и бегло проглядывал какой-то конспект, чтобы не тратить время даром. Завидев друзей, сунул тетрадь в сумку. Втроем студенты зашли к декану. Дэор дождался, пока ребята рассядутся рядом на жестком диване, и коротко пересказал парням историю злополучной фляжки и неизвестного врага.

– Значит, нас пытаются отравить. Полагаете, мастер, именно об этом было пророчество? – почесал затылок тролль, получил в ответ короткий кивок и уточнил у декана: – Что делать-то будем? Сегодня повезло, но как в следующий раз обернется, поди угадай. Как эту паучью сволочь искать?

– Искать, разумеется, будем. Но для начала сделаем вот что.

Дэор повернулся к шкафу и извлек из него стеклянную чашу на высокой ножке. Затем достал из кошель на поясе нож. Чиркнул по ладони и сцедил не меньше стакана своей темной крови, распространяющей странный, чуть терпкий, больше похожий на запах какого-то ягодного напитка аромат.

– По три глотка каждому. На несколько циклад это даст вам иммунитет к основной массе ядов. Сказал бы ко всем, но вселенная настолько многообразна, что не зарекаюсь. В любом случае защита у вас будет.

– А Ириаль вы тоже кровью поили? – не удержался от вопроса Лис.

– Нет, кровь дэора, данная добровольно, может защитить от яда, но не исцелить отравленного, – отметил Гад и многозначительно указал глазами на бокал. Дескать, меньше слов, больше дела.

Хаг, подавая пример, встал, не кривясь, сделал три положенных глотка и передал бокал Янке. Многое приходилось делать девушке в академии за два года, только вот пить чью-то кровь не доводилось. Зажмурившись, девушка храбро сделала первый глоток и чуть не подавилась от неожиданности. Кровь Гадерикалинероса на вкус напоминала хорошо разбавленный и подслащенный кагор, каким поили когда-то давно маленькую Яну, когда у нее болело горло. Еще два глотка землянка сделала почти с удовольствием. Все-таки сознание того, что она пьет кровь, сильно мешало процессу дегустации. Лис весело подмигнул девушке и выдул свою порцию за милую душу, причмокнул и благодарно отсалютовал декану пустым бокалом. Дэор так точно рассчитал дозу для каждого, что лишней жидкости не осталось.

Гад забрал грязный бокал и кивнул: теперь за тройку самых непоседливых студентов он был практически спокоен, во всяком случае, волновался не больше обычного. А хоть сколько-то мастер тревожился за своих подшефных любых возрастов всегда, такова уж участь декана

факультета блюстителей пророчеств.

– Мастер, так как искать-то Паука будем? – снова насел с вопросами Машъелис.

– Пока никак, – мрачно констатировал декан. – Воздействие подобного рода – врожденный ментальный дар, усиленный введением под кожу жертвы вытяжки одного редкого растения. (Нет, Машъелис, не проси, я не буду тебе называть какого, дабы ты воздержался от экспериментов.) Оно не оставляет следов. Вернее, следы столь ничтожны, что выявить преступника невозможно. С Таатой нам сильно повезло. Присутствие того редкого яда в крови хоббита на короткий срок (не более циклады) придает коже аромат нимского перца. Мы не можем досконально осматривать руки каждого студента, возвращающегося из города. Увы, использование знаков для поиска Паука в непосредственной близости от академии затруднено самим магическим фоном, создаваемым АПП. Вам об этом неоднократно говорили.

– И что, будем ждать, пока нас снова отравить попытаются? – возмутился Лис. – Так вы нас противоядием напоили! Мы ж теперь можем и не заметить подозрительных добавок в угощении!

– Для этого я и напоил вас противоядием. Чтобы, случись что, вы не стали клиентами мастера Лесариуса. Понимаю, ожидание неприятно, но пока нам не остается ничего иного. Не переживайте, если вас попытаются отравить, я почувствую. Моя кровь в ваших венах подскажет, – спокойно объяснил декан, коснувшись кончиком пальца длинного и очень чуткого носа. – Вам, чтобы не подвергать себя дополнительной опасности и не провоцировать врага изменить приемы воздействия, остается малое – молчать о выпитом противоядии и вести себя как обычно. Надеюсь, ловля на живца принесет свои плоды. Если нет... Существует один ритуал для розыска преступника, увы, провести его немедленно мы не можем. Непременным условием ритуала является наличие как минимум трех подвергавшихся воздействию субъектов. Потому, повторяю для особо деятельных индивидуумов, – темный взгляд декана прожег дырочку на лбу гордо ухмыляющегося дракончика, – ваша задача – ждать.

– Мастер, а Стефа и Иоле тоже поить кровью будете? – озаботилась безопасностью друзей Яна.

– Нет, это лишнее, напомним, когда я искал субъектов пророчества, ярким маркером выделялись лишь вы трое, да и расспрашивали Таату лишь о вас троих, – успокоил девушку декан. – Короче, на всякий случай и вовсе не потому, что я не доверяю кому-то из ваших друзей, прошу: храните в секрете информацию о выпитом противоядии.

– Эх, знать бы еще, почему нас так невзлюбили. Кому это мы мозоль отдавили? – озадаченно наморщил нос Машъелис, продолжавший прокручивать в голове строки пророчества.

– Да мало ли кому, один прошлогодний экс-советник Ширьлу десятерых стоит, – прогудел Хагорсон.

– Так он в лечебнице для душевнобольных, – пожала плечами Янка. – Не могли же его выпустить досрочно за хорошее поведение?

– Из таких больниц за хорошее поведение не выходят. За плохое, впрочем, тоже. Господин бывший член городского совета Дрейгальта по-прежнему пребывает в закрытой лечебнице. Посетители к нему не допускаются, переписка и передачи запрещены. Впрочем, прошений о встрече никто не подавал, оставшихся на свободе близких родственников у советника нет, а дальним не до него, остатки состояния делят, – иронично согласился Гад.

Первым делом после получения мутного пророчества о «ядовитых угрозах» мастер проверил состояние самого проблемного из потенциальных недругов команды.

Напоив кровью и предупредив третьекурсников, дэор выпроводил их из кабинета с очередным напутствием насчет осмотрительности, категоричным запретом лезть во все показавшиеся интересными дырки и новым предупреждением об обязательном ношении при себе знака СУАЗ. Насчет действенности деканского вето Гадерикалинерос, не страдавший избыточной наивностью и приступами оптимизма, иллюзий не питал. Он рассчитывал лишь на то, что получившие очередное напоминание студенты будут хоть немного осторожнее. Иной раз «немного» это уже немало.

– Что будем делать? – подпрыгивая от нетерпения, выпалил Лис, стоило друзьям отойти от кабинета на несколько шагов.

– Ужинать, а потом учить ССС и знаки, – спустил напарника с небес на землю Хаг. – Про яд во фляжке мы Стефу вечером расскажем, а Янка Иоле передаст.

– Фу, ты скучный, – скривился дракончик, для которого запомнить что-либо в любом объеме, если это «либо» не включает в себя основы Мироздания или историю Игиды, проблемой не было в принципе.

Янка как раз вспомнила старый анекдот об экзамене по китайскому, до которого еще ночь впереди, и рассудила, что с Лиса станется за двенадцать часов выучить в совершенстве не только китайский, а еще и корейский с японским в придачу. Завидовать другу она даже не пыталась. Это все равно как завидовать портрету какой-нибудь средневековой красавицы – полюбовался и ступай себе дальше к зеркалу.

Напоминание трезвомыслящего тролля об уроках сделало свое черное дело. Мысли с отравления и смутных угроз переключились на совершенно точно существующих мастеров Аниту и Гадерикалинероса, которые неучей и лодырей по головке не погладят, а если и наградят за незнание, то лишь лечебно-воспитательным мытьем лестниц Башни Судеб и парой-тройкой дополнительных заданий в нагрузку.

Бесконечное множество незнакомых знаков Игиды и несколько меньшее число уже известных, нуждающихся в запоминании, поджидало Донскую. Хаг «очень вовремя» об этом напомнил, чуть ли не начисто весь аппетит отбил.

– Тогда до ужина, пойду сумку брошу и к вам стукну, – кисло улыбнулась девушка.

– Давай, – махнул напарнице рукой тролль и чуть ли не за шкуру поволок Машьелиса по коридору в их комнату, чтобы тот не завис в очередной девичьей компании. Правда, волочь сильно подросшего и раздавшегося в плечах дракончика стало немного труднее. Ну да Хаг все равно был выше, шире, сильнее и упрямее напарника.

Глава 6

Деликатесные страдания

Сегодня, как и всю цикладу до этого, над блюстителями пророчеств опять издевались!

Мастер Брэдок на магических практиках выжал из третьекурсников все соки в смоделированных катакомбах. Тощий мелкий гоблин, чья масса тела значительно уступала объему хитроумия, нынче отличился. Он набил учебную модель темных подземелий плотной массой врагов, союзников и нейтралов. Причем так подгадал, что приходилось рассчитывать каждый шаг, чтобы, не дай Творец, не психануть да не долбануть фаерболом по площади, выжигая всех и теряя баллы, набранные за урок. Хаг с Лисом сразу задвинули Яну за спины и в четыре руки взялись за дело. Верная рогатка землянки иной раз оказывалась кстати, но большей частью друзья действовали вдвоем, прикрывая девушку. Лишь разок помощь ее оказалась очень кстати. Огромную пещеру, где сортировку «друг-враг-просто так» можно было проводить часами, Яна от безнадёги предложила накрыть знаком сна. Так и поступили. Выбрались, устроили обвал вместо закрывания несуществующей двери и продолжили путь к зачету. Тактика оказалась верной, в лимит времени друзья уложиться успели и даже штрафных очков немного нахватили.

Теобаль с Леорой в очередной раз модернизировали (а казалось, куда уж больше-то!) полосу препятствий. Мастера-физкультурники с горящими азартом глазами в этом сезоне напоминали Яне детишек, заполучивших в руки новый конструктор и никак не могущих наиграться с ним.

От учебных издевательств была освобождена лишь Ириаль, практически оправившаяся (своевременно изготовленное и принятое противоядие, как и обещал декан, поставило вредную вампирочку на ноги), но все еще блюдущая запрет целителей на физические нагрузки. Потому Шойтарэль пришла сразу к третьей паре – лекарскому делу.

Озвученную Таатой версию о крысиной отраве во фляжке, попавшей в емкости для воды из-за происков коварного конкурента, студенты приняли за чистую монету. К тому же ребята благодаря Леоре, мгновенно парализовавшей больную, даже не успели понять всей опасности ситуации. Картен утром, как только услышал от Юнины вести о здоровье вампирши, еще и пошутить умудрился. Дескать, Ириаль даже крысиная отравка не берет, надо было средство помощнее поискать. За что, разумеется, получил в глаз от Еремила, глупость остроты признал и даже извинился. Парень-то Рос не злой, просто грубоватый и вечно молотит языком. Сострадательная Ольса даже убрала шутнику синяк, пошептав над ним пару минут. А еще третьекурсники дружно скинулись и поутру со смехом вручили Юнине деньги на очередную обновку для Шойтарэль, систематически портящей обувь. Заботливая эльфийка улучила момент и на перемене между магическими практиками и физкультурой успела заглянуть в лавку фееры за обновкой для напарницы. Вампирша, конечно, пошипела, однако мешочек с обувью, переданный напарницей, милостиво приняла. Никакая игра в ложную гордость или скромность не стоила, по мнению Ириаль, пары красивых туфель!

Толпа на крылечке лекарского корпуса привычно окружила столик с кружками супа, вкус которого едва заметно менялся раз от раза ровно настолько, чтобы не надоесть за год. Кто им занимался, Шер, неизменно стоящий на раздаче, тайны не выдавал, лишь хитро подмигивал и объявлял рецепт фирменным секретом целителей.

Напившиеся студенты благодарили поильца-кормильца и сразу валили в аудиторию. Не то чтобы вся группа обожала занятия по лекарскому делу и хитрого старичка Лесариуса, потчующего своим увесистым молоточком не только больных, но и зазевавшихся или расшалившихся студентов – причина стремления в корпус была проста, как яйцо: любому из третьекурсников после интенсивных физических упражнений банально хотелось принять сидячее положение.

– Донская, на пару слов! – позвала Ириаль землянку, только-только пригубившую свою порцию.

Янка, как была с кружкой в руках, отошла к притопывающей от нетерпения девушке. Черные туфельки с острым каблучком и синими декоративными бусинами вампирша уже успела надеть. Теперь демонстрировала обновку. Шойтарэль и впрямь выглядела совершенно здоровой, а что бледновата, так вампиры никогда румянцем по всю щеку не славились. Вот хоть Гардема взять, Янкиного приятеля. Тот время от времени захаживал на кружку чая, чтобы отдохнуть душой от своих взбалмошных напарниц, которые отличались повальной влюбчивостью и сквозняком в головах. Этот «ветерок» периодически надувал неприятности всей троице.

– Что-то хотела, Ириаль? – Янка отхлебнула супа и с удовольствием облизнула губы.

– Да, помнишь мой долг и зафиксировавший его браслет? – постучала ногтем по массивному украшению девица.

– Помню, стильный у тебя артефакт, – согласилась Донская.

– Так слушай! Я тебе ничего больше не должна! – похвасталась Ириаль и снизошла до объяснения.

Оказывается, браслет, не принявший в прошлом году в качестве оплаты долга за спасение защиту Яны от пылающих угольков, на этот раз проявил оригинальность и признал долг оплаченным. Такой эффект произвела грубая выходка Ириаль, испившей яда вместо однокурсницы. О чем нынче гордо возвещала вампирша. Вот уж воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Хотя некоторая извращенная логика в решении заколдованной вещицы все-таки прослеживалась. Чужую воду вампирша, мучимая жаждой, выдула совершенно бескорыстно, ни капельки не рассчитывая на благодарность. Сообщая о казусе, девица явно рассчитывала на Янкино возмущение.

Спрятав наползающую улыбку, а то забавная в своей высокомерной снисходительности Ириаль чего доброго могла и взбеситься, землянка ответила:

– Все хорошо, что хорошо кончается. Я рада, ты теперь из-за долга злиться не будешь.

– Вот чего ты такая добрая? – Ириаль осталось только досадливо плюнуть на землю перед незлобивой однокурсницей, гордо осушить свою кружку и удалиться трепать нервы кому-нибудь другому.

– Какая уж уродилась, – усмехнулась девушка и вернулась к неспешной дегустации супа.

– Ян... – робко позвала землянку Юнина, тоже на всякий случай задержавшаяся на крылечке. Эльфийка, может, и не слышала тихого разговора, но четко уловила интонации и раздражение напарницы. – Ты не сердись на Ириаль, она хорошая, только ей сложно...

Ройзетсильм замаялась, пытаясь подобрать слова.

– Я знаю, нам Гардем говорил. У вампиров в обществе очень сильна иерархия. Они четко знают, кто равный, перед кем поклониться, а перед кем и на колени упасть, ну и в обратном порядке. А в АПП иерархию не построишь и как к кому обращаться не разберешь, вот Шойтарэль и теряется, поэтому грубить начинает, вроде как почву прощупывает. Если бы

я ей в ответ хамить начала, значит, мы как бы силами мериться стали, а я так реагирую, что она ничего сделать не может, – кивнула Донская. – Я-то ладно, мы лишь однокурсницы, а вот тебе, напарнице и соседке, с ней небось вообще тяжко.

– Ничего, я тоже вне иерархии, потому что напарница. Ириаль уже привыкла, – рассеянно отозвалась эльфийка, кажется, подобно Стефалю, не умевшая подолгу сердиться или таить на кого-то злобу. Иерархия иерархией, но, наверное, даже у вампирши не доставало стервозности, чтобы поссориться с солнечной Юниной.

Яна и Юнина переглянулись как две заговорщицы, допили суп и практически последними зашли в аудиторию.

А там полным ходом шла дележка экзотической вкуснятины, присланной Авзугару кем-то из многочисленной родни в честь прибавления в семействе. На этот раз передача была не в виде орехов, сырого мяса или спиртных напитков, замаскированных под компот. Оборотень-медведь хвастался «малым» мешочком с копченым по особому семейному рецепту мясом некоего эндемичного горного кролика под названием «рикбит».

[Купить полную версию книги](#)